

Библейско-богословская коллекция
Патрологическая серия
Богословские исследования

Таланкин В.

**СВЯТООТЕЧЕСКОЕ
ВОЗЗРЕНИЕ НА СМЕРТЬ:
ОПЫТ СИСТЕМАТИЗАЦИИ
РЕЛИГИОЗНО-
ФИЛОСОФСКОГО УЧЕНИЯ
СВ. ГРИГОРИЯ НИССКОГО
О СМЕРТИ**

Вера и разум, 1908, № 10, с. 488-507; № 11, с. 631-652;
№ 13, с. 81-92

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

СВЯТООТЕЧЕСКОЕ ВОЗРѢНІЕ НА СМЕРТЬ.

(Опыт систематизаціи религиозно-философскаго ученія Св. Григорія Нисскаго о смерти).

I.

Загадочность смерти.—Могущество и власть смерти въ средѣ органическихъ существъ, значеніе ея въ жизни людей.

Смерть возбуждаетъ въ душѣ нашей невольный страхъ и даже ужасъ своею загадочностью и неизвѣстностью. Она же причиняетъ намъ скорбь. „Скорби наши объ умершихъ дѣлаются еще болѣе тяжкими потому, что *не знаемъ точно, существуетъ ли сама по себѣ животворная (въ насъ) причина (духъ человѣка), и гдѣ и какъ существуетъ, или нигдѣ ея болѣе нѣтъ. Ибо неизвѣстность дѣлаетъ возможнымъ равно предположенія о томъ и другомъ*“¹⁾. Вотъ слова Святого Отца, съ возрѣніями котораго мы и будемъ знакомиться по вопросу о смерти.

Итакъ первый вопросъ при разсужденіи о смерти есть вопросъ о невольномъ страхѣ и скорби при мысли о ней, или при видѣ ея. Откуда возникаетъ эта скорбь и этотъ страхъ? Какое значеніе имѣетъ прекращеніе дѣятельности причины, оживляющей нашъ организмъ? Почему прекращается дѣятельность этой причины? Вотъ вопросы, которые сами собою возникаютъ въ душѣ каждаго мыслящаго человѣка. Въ виду указанной безызвѣстности человѣкъ пытается найти такой отвѣтъ на вопросъ о смерти, который-бы вполнѣ удовлетворилъ безпокойную и мятущуюся человѣческую мысль, такъ что онъ

¹⁾ Творенія св. о.о. въ русскомъ переводѣ. Изд. Моск. Дух. Акад. т. XL. Моск. 62 г. Творенія Григорія Нисскаго. Часть IV „О душѣ и воскресеніи“. Стр. 201.

спокойно сказалъ-бы тогда себѣ: „Я знаю смерть, знаю ея смыслъ, значеніе, происхожденіе и цѣль“. Конечно можно болѣе или менѣе удачно выяснять *процессъ* смерти по всѣмъ *началамъ* опытной науки, на основахъ положительныхъ знаній... Такія попытки всегда существовали, да существуютъ они и теперъ ¹⁾. Но не этого добивается человѣкъ, когда задаетъ

1) Въ этомъ отношеніи въ наше время преимущественно обращаетъ на себя вниманіе новая наука „Танатология“, т. е. ученіе о смерти. Основателемъ этой науки надобно признать нашего ученаго, профессора Мечникова, который въ своихъ „Этюдахъ оптимизма“, недавно переведенныхъ съ французскаго языка на русскій, полагаетъ основы этой новой науки. Заключительный итогъ по этой наукѣ можетъ быть выраженъ въ слѣдующихъ его собственныхъ словахъ: „Въ принципѣ жизнь можетъ быть безпредѣльною. при условіи возобновленія насущныхъ частей организма, которыя тратятся во время жизненныхъ отправленій“. Отсюда профессоръ дѣлаетъ выводъ, что смерти собственно не должно быть. Если же она фактически существуетъ, то это явленіе чисто случайное, обусловленное вторженіемъ въ живые организмы чуждыхъ имъ разрушительныхъ силъ. На основаніи этихъ выводовъ проф. Мечниковъ создаетъ далѣе теорію „Ортобіоза“, т. е. теорію правильнаго теченія жизни при данныхъ условіяхъ нашего организма. Со всѣми этими положеніями въ общемъ смыслѣ христіанинъ можетъ согласиться, памятуя, что *Богъ смерти не сотворилъ* и смерть явилась, какъ наказаніе за грѣхъ, внося разстройство во всемірную гармонію. Но христіанинъ никакъ не можетъ согласиться съ тѣми дальнѣйшими заключеніями, которыя профессоръ Мечниковъ дѣлаетъ на основаніи своего ортобіоза и думаетъ, что практическое осуществленіе его теоріи непременно приведетъ въ окончательномъ или заключительномъ періодѣ къ развитію пріятнаго чувства насыщенія жизнью и къ желанію полнаго прекращенія ея, послѣ дѣятельной и бодрой старости. Ни боязни смерти, ни скорби, ни желанія продолженія жизни загробной будто бы тогда не будетъ. Съ этой же точки зрѣнія и на основаніи этихъ положеній онъ устанавливаетъ новыя правила жизни, не согласныя съ христіанскимъ нравоученіемъ. Онъ ограничиваетъ христіанское ученіе объ альтуризмѣ, о любви, и указываетъ на совершенствованіе человѣческаго типа, согласно началамъ ортобіоза, какъ на единственно правильную научную точку зрѣнія въ вопросахъ нравственности и общественной жизни. Отрицая христіанскій „безусловный критерій этики“, онъ приходитъ даже къ мысли, будто самоубійство можетъ быть оправдываемо идеальными требованіями ортобіоза, при данныхъ условіяхъ жизни и наперекоръ существующей или сложившейся человѣческой природѣ. Вообще обо всѣхъ этихъ будто бы естественно-научныхъ заключеніяхъ профессора мы должны сказать, что они очень слабо подтверждаются фیزیологическими и иными данными, глубоко противорѣчатъ всеобщему инстинкту жизни, обезцѣниваютъ естественный даръ жизни, ограничиваютъ умственный кругозоръ человѣка предѣлами лишь земной жизни и вытравляютъ изъ его сердца всѣ надежды, которыя онъ соединяетъ съ вѣрою въ личное безсмертіе и загробную жизнь. Еще древніе говорили: *quid est somnium, nisi gelide mortis imago* (что такое сонъ, какъ не образъ хладной смерти)? Но и они не шли такъ далеко, чтобы самую смерть,

философскій вопросъ: что такое смерть? При этомъ онъ хочетъ понять существенное значеніе смерти, познать *смыслъ* смерти для самого себя, для своего бытія и своей жизни.

Смерть, какъ фізіологическій процессъ, какъ физическое явленіе, болѣе или менѣе понятна и очевидна для каждаго; она — конецъ *жизни человѣка*, прекращеніе его жизни, какъ *человѣка*. Положительная наука можетъ только *полнѣе* разъяснить этотъ процессъ, прослѣдить, такъ сказать, исторію смерти, ея основные моменты и указать физическія причины. — Однако человѣкъ ни какъ не хочетъ помириться съ этимъ, повидимому, самымъ обыкновеннымъ, естественнымъ фактомъ своей жизни. Въ человѣкѣ существуетъ какой-то внутренній голосъ противъ смерти. Пусть это будетъ, какъ говорятъ нѣкоторые люди науки, не признающіе за человѣкомъ достоинства выше животнаго, *эгоистичное желаніе жизни*. Но, вѣдь, и это желаніе требуетъ своего основанія, выясненія, такъ какъ и оно вытекаетъ изъ чего-нибудь. Если-же для человѣка жизнь является высокимъ благомъ, то, значить, для этого имѣются основанія въ самомъ бытіи человѣка, въ его природѣ, въ сознаніи. „Въ каждомъ человѣкѣ есть какое-то естественное отвращеніе отъ смерти“¹⁾ — слова тогоже святого отца, не лишенныя глубокаго смысла. — Недаромъ каждый человѣкъ всю свою жизнь живетъ какой-то странной мыслию, что смерть собственно касается не его, а другихъ людей, какъ будто бы его и не ожидаетъ она...

Да и что такое въ сущности человѣческая жизнь, какъ не сознательное бѣгство отъ страшнаго призрака смерти? На чемъ основана вся земная жизнь человѣка, какъ не на борьбѣ со смертью? Вѣдь, „жизнь“, говоря философскимъ языкомъ, „въ ея *простѣйшей*, а потому и всеобщей *формѣ*, есть *совокупность*

при посредствѣ ортобіоза, можно быто дѣлать столько же желательную, какъ желателенъ сонъ послѣ дневныхъ трудовъ. Профессоръ идетъ даже далѣе современныхъ намъ буддистовъ, которые тоже при посредствѣ своего ортобіоза общаются своимъ послѣдователямъ радостью не бытія въ воображаемой ими нирванѣ. Совершенно иное ученіе о смерти предлагаютъ намъ св. отцы, несомнѣнно гуманное, человѣколюбивое и истинное. Первымъ изъ такихъ отцевъ, безъ сомнѣнія, надобно признать св. Григорія Нисскаго. Ред.

1) „О душѣ и воскресеніи; г. IV стр 202.

разнообразныхъ *отправленій, противодѣйствующихъ смерти индивидуума, или совокупность отправленій, поддерживающихъ существованіе индивидуума въ смыслѣ бытія для себя самаго (Ding ansich).*

Поэтому, процессъ жизни въ его простѣйшемъ и всеобщемъ выраженіи есть послѣдовательный рядъ разнообразныхъ измѣненій, выражающихъ и обезпечивающихъ собою возможность существованія индивидуума. Всякое измѣненіе въ состояніяхъ и положеніяхъ индивидуума сознается имъ, какъ пріятное или непріятное, сообразно съ тѣмъ, способствуетъ-ли оно поддержанію жизни или содѣйствуетъ ея разрушенію. Поэтому *вся практическая задача мысли въ отношеніи непрерывно возникающихъ измѣненій* заключается лишь въ томъ. чтобы безошибочно опредѣлить ихъ возможное вліяніе на состояніе индивидуума и, съ точки зрѣнія этого вліянія, *заранѣе опредѣлить ихъ возможную цѣнность для жизни индивидуума.* Такая предварительная оцѣнка явленій *естественно требуется* прямымъ *интересомъ жизни,* потому что въ силу этой *оцѣнки субъектъ* получаетъ возможность *оріентироваться* въ данныхъ *условіяхъ жизни,* т. е. установить такія отношенія къ *средѣ,* въ которой онъ существуетъ, что-бы они *обезпечивали* ему возможность *существованія* и *устраняли* отъ него возможность гибели, смерти—¹⁾. Если перевести эту философскую формулировку воззрѣнія на назначеніе смерти въ процессъ *жизни человеческой* на языкъ Григорія Нисскаго, то она получится въ слѣдующемъ видѣ. „Все человѣческое стараніе имѣетъ въ виду то, что-бы продлить намъ время жизни. *Забота-же о жизни* происходитъ отъ *страха смерти.*—

Поэтому у насъ и дома придуманы для жительства, чтобы тѣла въ окружающемъ ихъ воздухѣ не страдали отъ холода или жара. И земледѣліе что иное, какъ не заготовленіе необходимаго для жизни? Что такое врачебное искусство? Отчего оно почтено у людей? Не отъ того-ли, что средствами своими, повидимому, борется нѣсколько со смертью? И брони и щиты, и шлемы, и оборонительныя оружія... и подобное тому,—по-

¹⁾ „Наука о человѣкѣ“ т. I. В. Несмѣлова.—изд. 2-е Казань. 98 г. 128—129 стр.

чему иному дѣлается все это, какъ не *постражу смерти?...* По самой природѣ мы страшимся смерти¹⁾. И въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, если посмотрѣть на жизнь человѣческую въ полномъ объемѣ, то странное зрѣлище представить она.—Мы увидимъ, что этой жизнью управляетъ какой то страшный привракъ; имя которому „смерть“. Ежесекундно этотъ привракъ вырываетъ изъ среды живыхъ людей все новыя и новыя жертвы, не разбирая ни старцевъ, ни невинныхъ и некусавшихъ еще сладостей и горестей жизни младенцевъ, не отличая счастливыхъ отъ неудачниковъ земныхъ. Въ усиленномъ бѣгствѣ отъ этого страшнаго приврака люди для огражденія себя отъ разрушительнаго дѣйствія страшной смерти создаютъ всевозможныя и разнообразныя формы и средства жизни, охраняющія ихъ земное благополучіе, создаютъ культуру, цивилизацію, науку, виды промышленности и т. п. Это бѣгство челоѣчества отъ страшнаго приврака, эта борьба за существованіе въ цѣляхъ *самосохраненія* создаютъ среди людей новый привракъ, къ которому направляются, *положительнымъ* образомъ, всѣ дѣйствія людей. Этотъ новый привракъ служитъ дальнѣйшимъ мотивомъ поступковъ и дѣяній всего челоѣчества и вообще и каждаго челоѣка въ частности. Имя этому новому привраку—„благо“ или „счастье“. Привракъ счастья прельщаетъ людей забвеніемъ земнаго горя, страданій, тоски и заботъ, обольщаетъ людей миражемъ славы, извѣстности, авторитета, дружбы, любви; чаруетъ великихъ людей прекрасной мечтой о будущемъ величіи челоѣка; наконецъ, люди въ своемъ страстномъ желаніи одного счастья доходятъ до того, что ждутъ его и послѣ смерти, вѣрятъ, что это же счастье ожидаетъ ихъ за гробомъ: надѣются на *будущую безконечно-блаженную жизнь* послѣ смерти. Такимъ образомъ, неутомимый въ погонѣ за счастьемъ челоѣкъ переноситъ и за гробъ тѣ же условія своего существованія на землѣ, которыя необходимо вызываютъ въ немъ эту страстную погоню за благомъ, за счастьемъ. Челоѣкъ хочетъ продолжить это счастье тамъ,

¹⁾ Т. IV. стр. 202—203. „О душѣ и воскресеніи“. Сравни. т. VII ст. 521. Такихъ мѣстъ очень много у Григорія Н. „Толкованіе Екклѣзіаста“ написано на эту тему.

гдѣ оно особеннаго смысла, какъ цѣли бытія и жизни, не будетъ имѣть по той простой причинѣ, что счастье нужно и является цѣлью жизни и дѣйствій людей только въ земномъ существованіи человѣка, а внѣ его условій оно не имѣетъ этого смысла, такъ какъ погоня за счастьемъ, какъ мы уже сказали, появилась среди людей въ силу признанія ими рокового закона борьбы за существованіе. Такимъ образомъ чаша смерти, переполненная страхомъ и огорченіями, растворена возбужденіями всей энергіи нашей жизни, желаніемъ сохранить, развить и укрѣпить остатокъ жизненной силы послѣ какой-то случайной потери нами безсмертія.

Стѣдуетъ только поглубже вдуматься въ жизнь, въ ея формы и проявленія, чтобы понять то, чѣмъ живутъ и питаются эти формы, что ихъ создаетъ и вызываетъ въ жизни людей: какъ это—ни странно—одна смерть. Прекрасной иллюстраціей для этого могутъ служить слѣдующія слова Св. Григорія Нисскаго: „*Природа постоянно заботится о смерти, и съ жизнью, текущею впередъ во времени, непремѣнно соединяетъ смерть... необходимое слѣдствіе... жизни... смерть...* Мы, по слову Великаго Павла, „по вся дни“ умираемъ (1 Кор. 15, 31)... (смерть) служитъ предметомъ постоянной заботы и упражненія для плотской жизни“¹⁾. Правда въ жизни человѣческой есть цѣлая область свободной мысли, гдѣ человѣкъ повидимому можетъ отрѣшиться отъ всего связывающаго его въ жизни, отъ всего рабскаго, подневольнаго, отъ всѣхъ цѣпей земной юдоли. Не свободенъ ли онъ отъ страха смерти въ этой области мысли? Нѣтъ, и въ области мысли человѣка царитъ тотъ-же страхъ, и бѣгство людей отъ смерти сказывается здѣсь еще ярче.

Если мысль человѣческая только и можетъ оперировать надъ тѣмъ матеріаломъ, который даетъ ей жизнь, то становится тогда совершенно понятнымъ, что и въ области человѣческой мысли смерть имѣетъ неотразимое значеніе и силу. Уже со временъ глубокой древности человѣкъ старается найти

¹⁾ Том VII; стр. 514—515. Изъ слова „къ скорбящимъ о представшихся отъ настоящей жизни къ вѣчной“. Слово „предметъ“ нужно понимать въ смыслѣ „побужденіе“.

себѣ удовлетворительный отвѣтъ о тайнѣ смерти, хочеть *познать* ее, изучаетъ свою природу, думаетъ о смыслѣ своей жизни и, такимъ образомъ, создаетъ философію и религію, изъ которыхъ въ первой человѣкъ пытается опредѣлить истину подлинной своей природы, а во второй стремится къ жизни по мысли объ истинной природѣ своей, хотя бы эта истина казалась такой только въ его воображеніи, только одному известному человѣку или народу. Такимъ образомъ, какъ въ общественной жизни человѣческой всѣми движеніями ея управляетъ смерть, такъ и въ области мысли человѣкъ издавна сознательно или безсознательно трудится надъ рѣшеніемъ вѣчной проблемы о смерти... Человѣкъ не можетъ уйти отъ рѣшенія этой проблемы. И нѣтъ сомнѣнія, что именно въ этомъ сказывается его высшее призваніе, его возвышеніе надъ міромъ животнымъ. Иначе, что такое была бы жизнь человѣка безъ этого условія? Инстинктивнымъ продолженіемъ жизни животныхъ, работою для поддержанія животной жизни обмѣномъ веществъ, рабствомъ желудку. Прекрасно поэтому говорить Св. Григорій Нисскій: „Скажи мнѣ, что хорошаго видишь въ (чувственной) жизни? Разсуди, въ чемъ проявляется (эта) жизнь?.. Наша плоть *производитъ зловоніе*, обращая въ *тлѣніе* все, что не приметъ въ себя. Какое *наказаніе* можетъ быть тяжелѣе того, какъ все *время* быть въ *подчиненіи* вѣлѣніямъ *чрева*! Посмотрите на этого неотступнаго собирателя дани, (говорю о чревѣ)—съ какою *взыскательностью* онъ ежедневно требуетъ своего? Мы совершаемъ кругъ жизни подобно рабочимъ животнымъ на мельницѣ, у которыхъ закрыты глаза; всегда отходимъ отъ одного мѣста и приходимъ къ тому-же,—я говорю о періодически возвращающихся явленіяхъ жизни: о позывѣ къ пищѣ, насыщеніи, снѣ, бодрствованіи, наполненіи, очищеніи; непрестанно отъ одного переходимъ къ другому, отъ того—къ этому, и опять тоже, и никогда не перестанемъ вращаться въ этомъ кругу, доколѣ *не выйдемъ* изъ этой *мельницы*“¹⁾. А вотъ тотъ вопль печали, который неволью вырвался изъ души этого Святого Отца, много думавшаго о жизни и смерти, вопль скорби и горя при созерцаніи зрѣ-

¹⁾ „Надгробное слово Плакиль“ часть VIII, стр. 418—419.

лица смерти, когда „въ первомъ возрастѣ красота *разрушена смертью*, блескъ юныхъ глазъ закрытъ вѣками, румянецъ ланитъ превратился въ блѣдность, молчаніемъ скованы уста, почернѣлъ цвѣтъ на губахъ“ ¹⁾: „кто можетъ безъ слезъ смотрѣть на это *страданіе*? Кто не будетъ оплакивать *утрату жизни*? Кто не прослезился при видѣ *бѣдствія*? Видѣлъ я зрѣлище, достовѣрности котораго не довѣрилъ-бы тотъ, кто узналъ бы объ этомъ необыкновенномъ явленіи лишь по слуху. Я видѣлъ море людей, во множествѣ собравшихся, какъ бы какая вода, и все, что можно было окинуть взоромъ, было наполнено людьми, какъ будто бы вселенная стеклась по поводу этого бѣдствія. А зрѣлищемъ былъ *цѣптокъ*, несомый на золотомъ одрѣ. Какъ уныли были лица всѣхъ смотрящихъ! Какъ глаза наполнены слезами! Къ тому же стѣнами сердечной муки... Не замѣчалъ я въ то время ни блеска камней, ни золотыхъ тканей, ни сіянія серебра, ни свѣта—*все* потемнѣло отъ *печали*, все принимало участіе въ *общей* скорби... Въ то время однѣ слезы доставляли людямъ удовольствіе“ ²⁾. Но не отраднѣе для сердца человѣческаго смерть и тогда, когда человекъ умираетъ, доживъ до того возраста, что у него—„*блѣднѣе* глаза, сморщенные щеки, выпаденіе зубовъ, разслабленіе въ языкѣ, трясеніе въ рукахъ, склоненіе къ землѣ, потребность опираться на водящихъ, неразуміе въ мысли, обмолвка въ рѣчи, и прочіе недуги, которые необходимо сопровождаютъ этотъ возрастъ“ ³⁾. Все равно—печалень видъ смерти и такого человека, потому что „настоящее (указанное) несчастіе гораздо достойнѣе плача, чѣмъ какое-либо другое печальное событіе. Если даже представить себѣ всѣ великія *общественныя бѣдствія*, землетрясенія, войны, наводненія, провалы земли, то и это все мало, если сличить съ настоящимъ. *Почему*? Настоящее *бѣдствіе* есть *горе всей вселенной*“ ⁴⁾... Такъ болѣла душа великаго Отца, при сознаніи бѣдственнаго, неотразимаго дѣйствія смерти на людей...

1) Ibid. 396 стр.

2) „Нагробное слово Плавилъ“ т. VIII, стр. 394—395.

3) Ibid, 397 стр.

4) „Надгробное слово Плавилъ“, стр. 409—410.

Гдѣ же надобно искать успокоенія при мысли о смерти, гдѣ надобно искать отвѣта на эту, проблему?

II.

Важность и серьезность проблемы смерти въ области мысли человѣческой. Безсильныя попытки человечества рѣшить эту проблему.

Со временъ глубокой древности мысль человѣческая трудится надъ рѣшеніемъ нѣсколькихъ великихъ вопросовъ человѣческой жизни, въ ряду которыхъ проблема смерти является основнымъ вопросомъ. Въ цѣляхъ рѣшенія этого вопроса возникали и ставились всѣ остальные проблемы жизни и познания. Всѣ эти вопросы волнуютъ человѣческую мысль собственно своею неразрѣшимостью и загадочностью, а главное жизненностью, значеніемъ ихъ для самой жизни. Человѣчество для рѣшенія этихъ вопросовъ предлагало въ лицѣ лучшихъ представителей своей мысли—философовъ, религиозныхъ законодателей и реформаторовъ, нравственныхъ и умственныхъ руководителей—множество всевозможныхъ и религиозныхъ, и философскихъ доктринъ. По временамъ казалось, что оно находило удовлетвореніе въ этихъ доктринахъ и располагало по нимъ свою жизнь, потому что масса людей рѣдко могла да и не хотѣла отнестись критически къ тому ученію, которое она всасывала съ молокомъ матери. Но всетаки по временамъ среди этой массы находились такіе мыслители, которые сомнѣвались въ томъ, что ихъ прадѣды и отцы считали непреложной правдой, и, давъ просторъ своей критической мысли, ниспровергали всѣ традиціонныя доктрины. И вопросы, такимъ образомъ, снова появлялись на аренѣ человѣческой мысли, требуя такого или иного рѣшенія, и казалось, что будтобы человечество даже никогда и не бралось за ихъ рѣшеніе. Между тѣмъ рѣшеніе этихъ вопросовъ было существенно необходимо, потому что это вопросы не празднаго любопытства, даже не научной любознательности въ цѣляхъ обезпеченія и лучшаго устройства земной жизни нашей, наконецъ, не вопросы даже какого-нибудь чистаго познания, ради самаго познания, т. е. изъ-за удовольствія познания,—нѣтъ, всѣ эти вопросы соеди-

нены съ мыслию о Богѣ, о будущей жизни, о смыслѣ жизни, о природѣ и назначеніи человѣка и т. п., словомъ,—вопросы въ цѣляхъ познанія *истины о человѣческомъ бытіи и назначеніи*. Конечно, всѣ они могли возникать въ мысли человѣческой лишь въ силу мучительнаго незнанія человѣка о себѣ, что такое онъ, зоологическій-ли просто экземпляръ въ разнообразной фаунѣ земли, или существо исключительное по своей природѣ. Наблюдая же надъ самимъ собой, изучая себя и свою жизнь, человѣкъ приходилъ къ двумъ совершенно противоположнымъ выводамъ о своей природѣ: одни мыслители не видѣли въ человѣкѣ ничего больше животнаго, другія находили, что человѣкъ—существо совершенно исключительное въ механической жизни природы. Послѣдніе приходили къ утвержденію, что человѣкъ сверхъприродное существо на основаніи *непосредственнаго сознанія* и на основаніи изученія той дѣйствительной исключительности человѣка, въ силу которой онъ является среди механической природы сознательнымъ и активнымъ. Эту исключительность человѣка видѣли люди въ могуществѣ его разумной и сознательной жизни и мысли, видѣли въ творящей воли и высококомъ чувствѣ, въ отличіи человѣка отъ животныхъ моральностью и религіозностью, въ способности къ вѣчному развитію по активности своего духа, дающей ему возможность облагораживать свою жизнь и создавать ея разнообразныя формы.—Между тѣмъ, другіе люди, хотя и имѣли на глазахъ эти факты челоуѣческой жизни и духа, однако никакъ не соглашались признать ихъ предпосылками для утвержденія исключительности человѣка въ мірѣ; они приводили другіе факты жизни человѣка, которые по ихъ мнѣнію говорили о томъ, что человѣкъ ничтожество, что онъ ни болѣе, ни менѣе какъ *червь* и *прахъ*—земной, и *участь* его не отличается отъ участи какого-нибудь животнаго или растенія: все равно, что бы онъ не думалъ о себѣ, о какомъ бы своемъ величіи онъ не мечталъ, фактъ *смерти разрушилъ* въ немъ всякую попытку думать о какомъ-бы то ни было *величіи*. И гасли, такимъ образомъ, всѣ великія мечты его о своемъ величіи, о родствѣ съ Богомъ, объ особенномъ смыслѣ жизни, о безсмертіи, о его универсальности въ мірѣ; смѣшнымъ каза-

лось и наивнымъ представленіе людей о землѣ, какъ о центрѣ вселенной, невѣроятной вѣра въ Существо, создавшее весь міръ для человѣка. А вмѣстѣ съ тѣмъ всякую мысль, всякое высокое стремленіе къ добру, къ истинѣ, всякій порывъ выбраться изъ этого хаоса и мрака незнанія—подавляла страшная дѣйствительность человѣческой смерти, требовавшая отъ человѣка только одного—самосохраненія въ виду постоянно-грозящей необходимой гибели, разрушенія, уничтоженія.

И вотъ мы присутствуемъ при зарожденіи новаго направленія человѣческой мысли, которое носитъ названіе скептицизма. Скептики думаютъ, можетъ быть смерть и на самомъ дѣлѣ вовсе не представляетъ ничего особеннаго? Можетъ быть она сама по себѣ очень понятна, и ничего загадочнаго въ ней нѣтъ. Она, во-первыхъ, очень *естественна*, а, во-вторыхъ, съ физической стороны такъ и совершенно *неизбѣжна*, какъ всеобщій природный фактъ. На самомъ-же дѣлѣ это соображеніе объ естественности и неизбѣжности смерти, при болѣе близкомъ знакомствѣ съ дѣломъ, подвергается еще болѣе сильному сомнѣнію. Вѣдь, это соображеніе возникаетъ въ человѣкѣ изъ фактическаго познанія, что *такъ бываетъ*, что такъ течетъ жизнь природы, между тѣмъ какъ мысль и сознаніе человѣка могутъ съ полнымъ правомъ утверждать положеніе, что *такъ не должно быть*, что все возникшее и живое, достигшее полноты своего развитія для жизни, должно жить вѣчно. Съ этимъ соглашается и безпристрастный естествоиспытатель. Такъ почему же вслѣдъ за появленіемъ, возрастаніемъ, укрѣпленіемъ и плнотой жизни обязательно происходитъ кризисъ, дающій направленіе процессу жизни въ обратную сторону? Остановиться на одномъ фактѣ смерти, на томъ, что такъ бываетъ по законамъ природы, значитъ—на требованіе *объясненія* факта указывать на самый фактъ, т. е. совершать кругъ въ доказательствѣ, въ объясненіи, ничего не объясняя. Скептикъ не можетъ успокоивать себя тою мыслию, что, можетъ быть, смерть и не требуетъ того, что-бы ее объясняли, указывали какую-нибудь ея естественную или метафизическую причину, опредѣляли ея „сущность“, происхожденіе и цѣль. Можетъ быть, смерть требуетъ только того, что-бы человѣкъ

волей-неволей помирился съ ней и жилъ-бы, будто и не зная совершенно о ея существованіи. Но такого запрета или самоограниченія не можетъ вынести здравомыслящій человѣкъ. Жить *для-чго-то, почему-то, зачѣмъ-то*, жить и думать, что вотъ-вотъ твою неразумную жизнь можетъ прервать непонятная смерть — это значитъ переживать цѣлый рядъ мученій въ душѣ, цѣлый хаосъ непримиримыхъ противорѣчій и бессмыслицъ своего сознанія, жизни, мысли и природы. И страннымъ должно казаться тогда неискоренимое *желаніе* человѣка *жить вѣчно*, если оно не имѣетъ глубокаго основанія въ самой природѣ человѣческаго духа. Почему-то сознаніе человѣка категорически говоритъ, что смерти быть не должно, что она или сама по себѣ не естественна, или есть слѣдствіе какой то ненормальности въ самомъ бытіи человѣка.

Въ области скептической мысли человѣческая жажда вѣчнаго сознательнаго бытія выводится или изъ эгоистическаго желанія человѣка вѣчно наслаждаться жизнью или изъ природы сознанія человѣческаго, которое въ своей сущности выражаетъ только чистое, абсолютное, вѣчное бытіе, свободное отъ условій пространства и времени, вѣчное „я есмь“.—При чемъ, разумѣется, при построеніи доктринъ на этихъ основахъ, скептики какъ перваго, такъ и втораго рода считались съ ненормальностью человѣческой жизни, но первые понимали эту ненормальность въ смыслѣ присутствія страданій и отсутствія сплошнаго счастья, а вторые считали ненормальностью всю жизнь человѣка на землѣ, включая сюда и жажду счастья, слѣдовательно, они выходили изъ стремленія человѣка къ жизни *истинной* по подлинной природѣ человѣческаго свободнаго духа и видѣли въ страданіяхъ уклоненіе, несоотвѣтствіе наличной жизни природѣ человѣка.—Мыслители первой категоріи разсматривали смерть, какъ коренное зло жизни, какъ величайшее несчаствіе человѣка, но такъ какъ оно *физически* неизбѣжно, то, покоряясь и проклиная его, люди были обязаны по ихъ доктринамъ жить и наслаждаться жизнью съ непрерывнымъ сознаніемъ, что за спиной стоитъ смерть, готовая сейчасъ прервать ихъ жизненный пирь. Если смерть-зло, а жизнь-благо-счастье, жизнь же человѣческая подчинена всемогущей

иллюзіи счастья, то значитъ, во имя этой иллюзіи, во имя удовольствій и наслажденій жизни человѣкъ долженъ отвергнуть очень многое изъ своей жизни, выбросить, какъ негодный и лишній балластъ, все, что вырастаетъ въ человѣкѣ на почвѣ его сознанія о себѣ, какъ о свободной и разумной личности; долженъ стать въ противорѣчіе со стремленіемъ къ истинѣ, къ добру, къ тому, что разумно и высоко нравственно. И жизнь человѣческая должна явиться случайнымъ калейдоскопомъ силъ и законовъ природы, а самъ человѣкъ со своимъ разумомъ и съ сознаніемъ свободы—страннымъ проявленіемъ хаотическаго бытія.

Въ противоположность этому возрѣнію на смерть, другое ученіе о смыслѣ смерти, выходя изъ возможнаго изученія природы человѣка и наличной жизни, приходило къ тому выводу, что если земная жизнь людей течетъ ненормально, такъ какъ человѣкъ не осуществляетъ въ ней того, что онъ долженъ былъ бы осуществлять по своей природѣ, такъ что земная жизнь человѣка является не вполне нормальной жизнью, а лишь приближающейся къ нормѣ,—то, слѣдовательно, смерть съ этой точки зрѣнія является уже, какъ благо, какъ разумный конецъ несовершеннаго существованія.—Но и при такомъ взглядѣ на значеніе смерти, не смотря на отсутствіе логическихъ и онтологическихъ противорѣчій, человѣческая мысль всетаки не можетъ понять одного: есть-ли смерть совершенное уничтоженіе человѣка, такъ какъ о томъ, что духъ человѣка безсмертенъ, человѣкъ какъ бы то ни было не можетъ знать, не смотря ни на какіе діалектическіе приемы своей мысли, въ родѣ того, на примѣръ, что душа проста, слѣдовательно, она безсмертна; потому что посылка о простотѣ души, единствѣ духа, личности и пр. не ведетъ еще къ логическому заключенію о безсмертіи духа. Понятіе *простоты*, какъ предпосылки къ безсмертію духа, есть ничто иное, какъ *отрицательное* понятіе по отношенію къ физическому бытію, и въ приложеніи къ бытію чисто духовному оно не имѣетъ рѣшающаго значенія.—Кромѣ того, что неизвѣстно, смертенъ или безсмертенъ духъ человѣка, мы никоимъ образомъ, путемъ рациональнаго познанія не можемъ убѣдиться въ положительномъ суще-

ствованіи за гробомъ нашего безсмертнаго духа: вѣдь никто изъ людей не приходилъ изъ-за гроба. Наконецъ, мыслить себя существующимъ, живущимъ, сознающимъ и мыслящимъ безъ тѣлеснаго организма человекъ при всемъ своемъ желаніи, не можетъ ни на основаніи опыта, ни на основаніи логическихъ соображеній; по крайней мѣрѣ, не можетъ этого сдѣлать съ полною ясностію и убѣдительностію для всѣхъ. Здѣсь требуется уже признаніе высшаго авторитета. Если даже признать за смертью человека значеніе освобожденія человѣческаго духа отъ оковъ тѣлесной оболочки, то вслѣдъ за этимъ тотчасъ же возникнутъ новые и новые вопросы, новыя и новыя недоумѣнія: о смыслѣ существованія человека съ тѣломъ, о физической природѣ его, о разумности самоубійства, о человекѣ, какъ ошибкѣ бытія и т. д. Такимъ образомъ и выходитъ, что въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ человѣческая мысль цѣной неимоверныхъ усилій и жертвъ не могла выработать такой системы, которая бы имѣла возможность претендовать на несомнѣнную достовѣрность и истинность, потому что, съ развитіемъ въ людяхъ критическаго мышленія, немедленно же сознавалась и вся несостоятельность извѣстнаго религіозно-философскаго воззрѣнія на смерть, и это воззрѣніе отвергалось, какъ ложное, и человѣческая мысль снова и снова бралась за одну и ту же работу рѣшенія прежней вѣковой загадки. Въ сущности весь процессъ человѣческой философіи и всѣхъ естественныхъ религіозно-философскихъ построеній представляетъ изъ себя постоянную смѣну человѣческихъ очарованій и разочарованій: иногда человеку казалось, что вотъ—вотъ желанное рѣшеніе вопроса найдено, но шло время, человекъ брался за пересмотръ выработаннаго воззрѣнія, и прежнее зданіе рушилось подъ критическимъ анализомъ новаго мыслителя.

Но не такъ это обстоитъ на самомъ дѣлѣ въ христіанской жизни и христіанскомъ религіозно—философскомъ міросозерцаніи. Уже девятнадцать вѣковъ тому назадъ, какъ человечество получило для себя разрѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ, вопросовъ о Богѣ, о смыслѣ жизни, о природѣ человека, о смерти и т. п. Это рѣшеніе было не сухой

доктриной, сплетенной изъ человѣческихъ умствованій, а—*днѣломъ* въ домірномъ бытіи, было фактомъ промыслительной исторіи человѣчества. Это было—пришествіе на землю Самого Бога для того, чтобы люди познали истину о себѣ, истину о Богѣ, о смыслѣ жизни и о значеніи смерти. Рѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ было дано и съ безусловной достовѣрностію оправдано и доказано однимъ необычайнымъ фактомъ человѣческой и міровой исторіи; „Воскресеніемъ изъ мертвыхъ Богочеловѣка.“ На этомъ фактѣ, какъ на основаніи, выросла цѣлая могучая жизнь Христіанская, а въ области мысли, въ цѣляхъ объясненія этого факта—глубокая христіанская философія, изложенная и истолкованная въ святоотеческомъ ученіи.

III.

Глубочайшее рѣшеніе проблемы смерти въ искупительномъ поцвигѣ Христа и въ ученіи Христіанства.

Кто понимаетъ христіанство, какъ великое Божіе дѣло въ мірѣ, ставши подъ мощное дѣйствіе которымъ, всякій человѣкъ получаетъ дѣйствительную возможность жить по истинѣ своей подлинной природы, по цѣли своего вѣчнаго назначенія,— для такого человѣка христіанство, дѣйствительно, является полнотою свѣта, разума и истины о человѣкѣ¹⁾. Христіанство и есть, именно, проповѣдь о дѣйствительномъ совершеніи Богомъ этого исключительнаго дѣла. Если христіанство понимать *только* какъ отвлеченную доктрину, то для человѣческаго ума она можетъ казаться лишь гипотезой,—подобной многимъ другимъ гипотезамъ. Но если признать фактъ воскресенія Христа неопровержимымъ и непреложнымъ событіемъ въ человѣческой исторіи, что главнымъ образомъ, и утверждаетъ христіанство, то оно, внѣ всякихъ сомнѣній, является единственною Божіею мудростію и Божіимъ дѣломъ въ человѣческой исторіи, въ которомъ раскрывается вся полнота разрѣшенія всѣхъ жгучихъ вопросовъ о человѣкѣ. Исключительное значеніе христіанства признается даже такими философствующими послѣдователями Христа, которые смотрятъ на христіанство только какъ на доктрину и мораль. Даже эти хри-

¹⁾ В. Несмѣловъ: „Наука о человѣкѣ“, т. I, стр. 380. Изд. 2-е.

стіанствующіе философы, утверждая будто бы „современная наука доказала“ полную несостоятельность христіанства, оставливаясь однако на догматическомъ ученіи христіанства и не будучи въ состояніи принять его въ подлинномъ содержаніи, а соображая только о *возможномъ философскомъ* значеніи доктрины христіанства, допускаютъ совершенно вѣрную мысль, что „если *доказать* вполнѣ точно и ясно, что вопстину во Христѣ совершилось необычайное дѣло и *откровеніе* Бога людямъ, то для познающаго человѣка, дѣйствительно, раскрылась бы тайна бытія человѣка“ ¹⁾. Но такъ какъ христіанство и есть именно религія, выросшая на дѣйствительномъ фактѣ воскресенія Христа, то *философскій* смыслъ христіанства долженъ пріобрѣсти *реальное* значеніе. И вотъ мы видимъ, что въ ученіи христіанства проблема смерти занимаетъ мѣсто одного изъ главныхъ пунктовъ этого универсальнаго ученія. Въ христіанствѣ, именно, при утвержденіи фактическаго разрѣшенія этой проблемы, дается и *глубочайшая постановка* и *обоснованіе* того *воззрѣнія* на значеніе смерти, какое оно утверждаетъ, и въ области человѣческой мысли изъ живыхъ фактовъ человѣческой жизни, и психологіи каждаго человѣка. Познавая христіанство, мы видимъ, что вопросъ о смерти занимаетъ центральное мѣсто, какъ въ догматикѣ христіанства, такъ и въ морали его. Христіанство не есть теорія, но историческій фактъ.

Выясненіе христіанства съ его *фактической* стороны, со стороны *жизни* человѣческой—было дѣломъ цѣлой жизни святыхъ Апостоловъ, какъ *очевидцевъ дѣла и слова*. Выясненіемъ же христіанства со стороны логической и психологической, на основаніи даннаго фактическаго значенія его, занимались христіанскіе философы и мыслители. Конечно, и Апостолы излагали христіанство логически и на основаніи фактовъ психологіи человѣка, и святые отцы говорили о фактичности христіанства, но какъ первые *главнымъ образомъ* обращали вниманіе на *значеніе* христіанства для жизни людей, и дѣйствовали, какъ очевидцы факта явленія Бога въ среду людей и Его воскресенія изъ мертвыхъ, такъ вторые по необходимости шли путемъ логики, психологіи и исторіи лю-

1) Наука о человѣкѣ. Т. I. В. Несмѣлова. 384 стр.

дей съ точки зрѣнія значенія всего этого для христіанства; слѣдовательно, дѣйствовали не на основаніи *очевидности*, а по *вѣрѣ*, для которой и подыскивались *разумныя* основанія. Какъ для Апостоловъ, такъ и для святыхъ отцовъ христіанство являлось полнотою истины о человѣкѣ; въ его ученіи святые отцы находили всестороннее, глубокое освѣщеніе по своей основательности и рѣшеніе всѣхъ запросовъ человѣческой жизни и мысли; словомъ, универсальное рѣшеніе всѣхъ великихъ и жгучихъ человѣческихъ вопросовъ. Они видѣли въ дѣлѣ и ученіи Христа единственное разумное фактическое оправданіе того, что *человѣкъ по своей природѣ представляетъ* въ міровомъ бытіи явленіе *исключительное*, видѣли, что въ фактѣ Боговоплощенія *открылся* людямъ фактически или исторически Самъ Богъ, понимали, что въ дѣлѣ Своего *воскресенія* изъ мертвыхъ Христосъ далъ фактическое *уничтоженіе* вѣчнаго значенія и *власти смерти* для людей, а чрезъ это разрѣшилъ, что такое смерть, и въ чемъ ея смыслъ, сущность, откуда она произошла, и въ чемъ—ея цѣль. Это рѣшеніе проблемы смерти въ христіанствѣ согласно съ несомнѣнными фактами человѣческой психологій и можетъ быть оправдано разумной логикой здравой мысли. Но мы не беремъ на себя такой обширной задачи выясненія вообще ученія христіанства о смерти. Наша задача скромнѣе: мы хотимъ изложить христіанское ученіе о смерти въ томъ видѣ, въ какомъ оно сложилось въ несомнѣнно философскомъ пониманіи святаго Григорія Нисскаго.

IV.

Философская постановка и рѣшеніе проблемы смерти въ ученіи Св. Григорія Нисскаго. Объемъ проблемы⁴.

Не всѣ Святые Отцы оставили намъ въ письмени свои глубокія убѣжденія въ истинности христіанства, изложивши послѣдовательно и систематически тотъ логическій истинный и глубокий путь, по которому они пришли къ признанію универсальной правды и разумности ученія о дѣлѣ Христа. Тоже надобно сказать и о святотеческомъ ученіи о смерти. Кромѣ того, изложеніе всего ученія Святыхъ Отцовъ, хотя бы одного IV-го

вѣка, было бы работой, сводящейся въ результатѣ къ одному только *голому перечню* тождественныхъ ученій Отцовъ безъ особеннаго освѣщенія вопроса и выясненія его, такъ какъ среди нихъ существуетъ замѣчательное сходство по содержанію въ воззрѣніяхъ на смерть.—Конечно, изобразить то, какъ учили *все* отцы IV-го вѣка о смерти,—задача серьезная и грандіозная, но для ясности и полноты дѣла въ сущности это и не требуется. Намъ кажется, что лучше взять одного, самаго типичнаго Святого Отца, доктрина котораго была бы полной, всесторонне обоснованной, развитой систематически и философски оправданной такъ, чтобы это ученіе могло удовлетворить серьезной критикѣ человѣческаго разума. Такой доктриной изъ Святоотеческихъ, по нашему мнѣнію, является ученіе Святого Григорія Нисскаго—философа по преимуществу. Святый Григорій Нисскій въ исторіи христіанской мысли занимаетъ очень видное мѣсто, какъ убѣжденный философъ—христіанинъ, дѣломъ жизни котораго было *„разумное обоснованіе Христіанства, какъ полноты Божьей истины о человѣкѣ“*. Хотя онъ не былъ такимъ практическимъ дѣятелемъ и организаторомъ, какъ Василій Великій, ни такимъ церковнымъ администраторомъ, какъ Амвросій Медиоланскій, или не былъ такимъ краснорѣчивымъ проповѣдникомъ, какъ Іоаннъ Златоустъ, не былъ даже такимъ всестороннимъ *Богословомъ*, какъ его современникъ Епископъ города Назіанзы,—за то онъ обладалъ гениемъ философа и глубокаго мыслителя. Наклонность къ отвлеченной мысли сказалась въ немъ стремленіемъ изучить всю древнюю философію, въ которой его мысль не нашла удовлетворенія, послуживъ развѣ только къ тому, чтобы познакомить его умъ съ философскими проблемами и, такимъ образомъ, образовать почву для развитія ученія христіанскаго.—Разочаровавшись такъ же въ наукѣ, какъ и въ философіи языческой, Григорій нашелъ полное удовлетвореніе своему пытливому уму въ христіанствѣ и цѣлью своей жизни поставилъ сдѣлать христіанское ученіе строго философскою доктриною, т. е. стремился къ полному уразумѣнію подлиннаго смысла дѣла и ученія Христа, чтобы христіанство, дѣйствительно, было для людей *„свѣтомъ и разумомъ“*.—

И на самомъ дѣлѣ въ ученіи Григорія Нисскаго невольно поражаешься широкой, глубиной его мысли, разносторонностью выясненія и основательностью доводовъ и доказательствъ. Что же касается вопроса о смерти, ея сущности, происхожденія и цѣли, то у Григорія Нисскаго можно пайти цѣлую философскую систему по этимъ вопросамъ, въ которой христіанское ученіе о смерти раскрывается во всей своей полнотѣ, глубинѣ и основательности.—*Смерть* въ мысли философа являлась однимъ изъ послѣдовательныхъ положеній, какъ логическихъ *предпосылокъ необходимости спасенія*. Логическій путь, по которому шелъ Св. Отець и какой представляется мысли по его сочиненіямъ, въ общемъ видѣ слѣдующій. Въ жизни людей царитъ зло, безсмысліе, ложь, неистина; человекъ живетъ не такъ, какъ онъ долженъ былъ-бы жить по подлинной своей природѣ, которая—богоподобна; а, наоборотъ, онъ живетъ жизнью физическаго міра, жизнью мірскою, неистинной жизнью. Лишь въ проблемахъ сознанія у него является иногда немощное стремленіе къ жизни истинной. Причина этого разлада можетъ заключаться только въ томъ, что съ человекомъ произошла радикальная катастрофа: человекъ не устоялъ въ истинѣ своей жизни и палъ, не захотѣвъ жить идеей богоподобія. Въ силу этого человекъ подчинилъ свою богоподобную природу по душѣ законамъ физическаго міра. Сдѣлавъ же содержаніемъ своей жизни физическія потребности и, главнымъ образомъ, борьбу за существованіе, человекъ естественно обратилъ всю свою жизнь въ процессъ поддержанія жизни своего организма. Но эта исключительно животная жизнь физическаго организма для природы духа человѣческаго является неистинной жизнью, и, слѣдовательно, чтобы избавиться отъ неразумія жизни, человеку необходимо умереть, разрѣшая смертію коренное противорѣчіе своей природы и жизни на землѣ. Если земная жизнь человека является не отвѣчающей тому, чтобы человекъ выполнялъ свое подлинное назначеніе въ мірѣ, то конецъ ея—смерть,—какъ прекращеніе неразумнаго существованія, имѣетъ глубокой разумный смыслъ уничтоженія неистинной жизни человека. Но разумной смерть является только тогда, когда предполагается

воскресеніе человѣка для начала новой жизни по истинѣ подлиннаго человѣческаго богоподобнаго духа въ безконечномъ Божіемъ царствѣ свѣта, истины и добра.—Этотъ философско-логическій путь именно и имѣетъ свое фактическое оправданіе въ дѣлѣ и ученіи Христа, и все рѣшеніе проблемы смерти дано въ *фактъ* жизни, смерти, въ воскресеніи и ученіи Христа. Такая-то философская и строго логическая постановка и рѣшеніе вопроса о смерти и даетъ особенное право остановиться именно подробно на ученіи св. Григорія Нисскаго и разъяснить всѣ тѣ вопросы, которые мыслятся въ объемѣ проблемы смерти. И такъ какъ эта проблема очень близко соприкасается со многими другими вопросами христіанской догматики и морали, то мы, естественно, будемъ въ общихъ чертахъ касаться и ихъ, на сколько это необходимо, чтобы воззрѣнія святого Григорія Нисскаго на смерть были-бы логически вполне понятны и фактически обоснованы.

СВЯТООТЕЧЕСКОЕ ВОЗЗРѢНІЕ НА СМЕРТЬ.

(Опыт систематизаціи религіозно-философскаго ученія Св. Григорія Нисскаго о смерти).

V.

Философскія основы ученія о смерти св. Григорія Нисскаго. Ея сущность и причины. Вопросъ о безсмертіи духа.

„Земля еси и въ землю отъидеши“.
(Быт. III гл. ст. 19).

Въ общей связи и послѣдовательности ученіе Св. Григорія Нисскаго о смерти можетъ быть выражено въ слѣдующихъ основныхъ положеніяхъ. По его ученію смертію надобно признать общеизвѣстный фактъ въ органической жизни физическаго міра, когда опредѣленный индивидуумъ, по законамъ и дѣйствию силъ природы, прекращая свою жизнь, разлагается на составные неорганическіе элементы, лишаясь *той причины*, которая связывала ихъ въ цѣлый живой организмъ. Въ этомъ опредѣленіи необходимо прежде всего въ фактъ смерти мыслить—удаленіе изъ организма какой-то связующей его въ единый опредѣленный индивидуумъ *силы*, концентрирующаго начала, независимо отъ того, какъ бы эта сила ни мыслилась: результатомъ-ли механическихъ законовъ слѣпой природы, или особой субстанціальной силой, отличной отъ тѣхъ неорганическихъ элементовъ, которые она объединяетъ въ живомъ организмѣ. Физическая причина смерти организма заключается въ томъ, что, какъ только извѣстный организмъ начинаетъ неудовлетворять *той нормѣ*, которой необходимо требуетъ природа, что бы организмъ имѣлъ право на существованіе и

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 10 за 1908 г.

силы для борьбы съ разрушительнымъ дѣйствіемъ природы, она механически уничтожаетъ ненужную, ненормальную жизнь. Такое объясненіе факта смерти говоритъ только о томъ, *что бываетъ и какъ бываетъ*, но для чего такъ бываетъ, объясненіе этого не даетъ; оно этого совсѣмъ не касается, это выходитъ за предѣлы его, какъ научнаго опредѣленія. Наука и опытъ не заглядываютъ за самыя факты, не задаютъ трансцендентныхъ вопросовъ, въ рядѣ: для чего, съ какой цѣлью и т. п. Для разрѣшенія всѣхъ подобныхъ вопросовъ вступаетъ въ свои полныя права метафизика, которая одна можетъ сказать здѣсь свое вѣское слово. Въ смерти метафизика видитъ необходимый конецъ *явленія*, т. е. причину смерти она полагаетъ въ томъ, что жизнь міра представляетъ изъ себя непрерывную смѣну *формъ бытія*; потому что міръ существуетъ въ условіяхъ пространства и времени, и въ мірѣ царитъ *смѣна явленій*, а человѣкъ представляетъ изъ себя по своему физическому организму *явленіе*, т. е. такую форму бытія, которая необходимо имѣетъ и начало, — и конецъ. — Слѣдовательно, метафизическая причина смерти заключается въ томъ, что органическіе индивидуумы — явленія, одностороннія выраженія жизни и сущности бытія, а какъ одностороннія и ограниченныя выраженія абсолютнаго бытія, они должны исчезать, потому что иначе вѣчное бытіе, Абсолютное выразилось бы въ явленіи вполнѣ. и это явленіе стало-бы абсолютнымъ. Такимъ образомъ, метафизическая причина смерти указываетъ на то, что смерть является для разрѣшенія противорѣчія въ бытіи между *выраженіемъ Абсолютнаго* и Самимъ Абсолютнымъ. Но дѣло въ томъ, что выраженіемъ-то Абсолютнаго въ физическомъ мірѣ является одинъ только человѣкъ, который по своей природѣ болѣе чѣмъ вещь міра, болѣе, чѣмъ физическій организмъ: онъ есть еще „вещь въ себѣ“, *Ding an sich*, духъ, свободная и разумная личность, абсолютная субстанціальная сущность въ сознаніи. Эта „особенность“ въ человѣкѣ даетъ возможность самому же человѣку считать себя не явленіемъ только, не только вещью міра, организмомъ, но тѣмъ, что онъ, дѣйствительно, есть по духу своему, т. е. *вѣчной* личностью, свободной отъ условій пространства и времени. — Но это соз-

наніе человѣка о себѣ по необходимости ставитъ человѣка въ противорѣчіе съ дѣйствительной жизнью. Сознвая себя абсолютнымъ и свободнымъ духомъ, личностью, человѣкъ видитъ, что онъ вовсе не живетъ подлиннымъ содержаніемъ своей природы, т. е. онъ и не свободенъ и не абсолютенъ и не живетъ вполне жизнью разумной личности, видимо являясь просто вещью физическаго міра, законамъ котораго онъ покоряется въ силу необходимости. Смерть человѣка и является *для разрѣшенія* этого противорѣчія въ человѣкѣ между жизнью и подлинной природой человѣка. Такова сущность смерти съ физической и метафизической точекъ зрѣнія.

Св. Григорій Нисскій именно такъ и смотрѣлъ на смерть, какъ мы на основаніи его сочиненій систематически выяснили его понятіе о смерти и опредѣлили ея сущность. Онъ именно опредѣляетъ смерть, какъ разложеніе природы человѣка на ея основные элементы: на духъ-и матерію. Причемъ матерія разлагается на свои составные элементы-стихіи, а духъ, какъ вѣчная богоподобная сущность, мыслится долженствующей остаться цѣлой, безсмертной послѣ смерти тѣла человѣка— чистой личностью. Послѣ смерти *человѣкъ* перестаетъ *жить* тѣлесною жизнью, такъ какъ онъ можетъ жить природною жизнью только подъ условіемъ дѣйствія своего духа чрезъ организмъ. Если-же и остается, подобно разлагающимся стихіямъ, не умирающій духъ человѣка, но достоверно неизвѣстно, какъ онъ существуетъ, хотя онъ несомнѣнно, долженъ существовать. Для иллюстраціи всѣхъ этихъ положеній служитъ великое множество мѣстъ изъ твореній Святого Отца. Мы возьмемъ тѣ, которыя показались намъ болѣе выражающими мысли его.

Такъ опредѣленіе смерти у Григорія Нискаго слѣдующее: „во плоти *смертію* называемъ *удаленіе жизни*“¹⁾, „смертію *разлучается душа* съ тѣломъ“²⁾. Физическая причина смерти полагается Святымъ Отцомъ въ томъ, что „тѣло человѣка не иное что есть, какъ *стеченіе стихій*“³⁾, потому „будучи слож-

1) „Больш. оглас. слово“, гл. VIII, 31 стр., часть 4.

2) Ibid. гл. XVI, 50 стр.

3) „О душѣ и воскресеніи“ (стр. 409) ч. 4.

нымъ, оно разлагается на то, изъ чего составлено, по расторженіи *средства стихій въ тѣлѣ*¹⁾, при чемъ „въ каждой изъ нихъ происходитъ стремленіе къ состоящему съ нимъ въ свойствѣ: съ теплымъ опять соединится теплое въ насъ²⁾... и т. д. Признавая за смертію значеніе необходимаго конца сложнаго существа, Св. Григорій Нисскій еще, кромѣ этого, выяснялъ, въ чемъ состоитъ эта сложность по отношенію къ человѣческому организму. Онъ эту сложность видѣлъ въ *измѣнчивости* физическаго организма. „Естество человѣка подобно какому-то потоку: человѣкъ отъ рожденія до смерти всегда къ какому-то движенію, и когда прекращается въ немъ это движеніе, тогда перестаетъ существовать; движеніе-же это... поступаетъ впередъ чрезъ измѣненіе; а измѣненіе, пока оно продолжается, не останавливается на одномъ и томъ же, ибо какъ возможно сохраняться въ *тождество* измѣняющемуся... какъ огонь въ свѣтильнѣ“³⁾, и „пока тѣло живо, въ немъ нѣтъ остановки“⁴⁾; потому что „самое *свойство* душевнаго *тѣла* состоитъ въ томъ, чтобы, вслѣдствіе какого-то теченія и движенія, всегда *измѣняться* и изъ состоянія, въ какомъ находится, переходитъ въ другое“⁵⁾. Человѣкъ измѣнчивъ потому уже одному, что произошелъ чрезъ роженіе, т. е. изъ небытія явился въ бытіе. Разъ человѣкъ измѣнчивъ по своей ограниченной природѣ, онъ долженъ имѣть и конецъ. „Человѣкъ по *необходимости*—естества измѣнчиваго, такъ какъ кто имѣетъ *начало бытія* чрезъ измѣненіе, тому невозможно, конечно, не быть измѣнчивымъ, потому что самый переходъ изъ небытія въ бытіе есть нѣкое измѣненіе“⁶⁾. Метафизическую причину смерти человѣческихъ индивидуумовъ Святій Григорій Нисскій видитъ въ томъ, что „текучесть естества“ въ человѣческомъ родѣ необходима для *полноты* выраженія человѣческаго „умопостигаемаго *естества*“ въ длинной цѣпи *индивидуумовъ*. Пока эта полнота не достигла сво-

1) Ibidem.

2) Ibid., стр. 406—407.

3) „О душѣ и воскр.“ 309—310.

4) Ibid., стр. 311. „Вольш. оглас. слово“, стр. 58.

5) Ibid., стр. 322.

6) „Вольш. огласит. слово“, гл. XXI, 57 ст., ч. 4.

его предѣла, до тѣхъ поръ будутъ появляться „умопостигаемыя естества“, потому что одно „умопостигаемое естество“ не можетъ выразить полноту бытія. Или въ формулировкѣ самого Святого Отца эта метафизика представляется въ слѣдующемъ видѣ: „Всякое умопостигаемое естество имѣетъ свою полноту. Естественно современемъ достигнуть своего предѣла и человѣческому роду, такъ какъ и онъ принадлежитъ къ естеству умопостигаемому; потому что всегдашнее присовокупленіе вновь прибывающихъ дѣлается *обвиненіемъ роду*, что въ немъ есть еще недостатокъ. Посему, когда человечество достигнетъ своей полноты, тогда непремѣнно остановится это текущее движеніе естества, достигнувъ необходимаго предѣла; и мѣсто сей жизни заступитъ другое нѣкое состояніе, отличное отъ нынѣшняго, проводимаго въ рожденіи и тлѣніи; ибо если нѣтъ рожденія, то по всей необходимости не будетъ и тлѣющаго“ ¹⁾.

Итакъ, физическая смерть для человѣка неизбежна; но что дѣлается съ человѣческимъ духомъ по смерти человѣка? Живетъ-ли онъ *полной сознательной* жизнью, и вообще что такое „чистый“ человѣчскій духъ? Рѣшеніе этого вопроса Св. Отцу необходимо для того, чтобы разсѣять туманъ, которымъ обложенъ *вопросъ о безсмертіи человѣческаго духа*, а также для дальнѣйшаго хода его разсужденій. „Душа человѣка, по его ученію, нѣчто иное сравнительно съ тѣломъ“ ²⁾. Она— „*сотворенная* сущность, живая, разумная, органическому и чувствительному тѣлу сообщающая собою жизненную и воспріимляющую чувственное силу“ ³⁾.

Душа человѣка—не космическая энергія, а свободная, активная личность, одаренная разумомъ ⁴⁾. Но она живетъ и дѣйствуетъ въ этомъ мірѣ подъ условіемъ соединенія съ тѣломъ, съ организмомъ ⁵⁾. Такимъ образомъ, хотя духъ человѣка долженъ быть—вѣчнымъ, такъ какъ по своей свободѣ и

1) „О душѣ и воскресеніи“, стр. 299.

2) „Больш. огл. слово“ гл. XI, ст. 39, т. IV.

3) „О душѣ и воскресеніи“ 204 ст., т. IV.

4) Ibid. 218—219. 281—282. Изъ „Слова къ скорбящимъ“, ч. VII, стр. 516.

5) „О душѣ и воскр.“ стр. 227. „Больш. огл. слово“, гл. XVI, 49 ст.

разумности онъ богоподобенъ, а если богоподобенъ, то и свободенъ отъ условій пространства и времени ¹⁾, а потому хотя — „душа должна пребывать вѣчно“ ²⁾, однако мы „не знаемъ точно, существуетъ-ли сама по себѣ животворная эта причина (духъ), или нигдѣ ея болѣе нѣтъ, и *идѣ*, и *какъ* существуетъ“ ³⁾, разумѣется, послѣ смерти. Вѣдь, *мыслимость возможности* и даже *необходимости* существованія ничуть не ведетъ къ *дѣйствительности* его, въ особенности если въ данномъ случаѣ имѣть въ виду то, что человекъ не духъ, а одухотворенная личность, одушевленный организмъ, и послѣ смерти человекъ перестаетъ *жить* полною жизнью; такъ какъ послѣ смерти остается *не полный человекъ, а духъ умершаго* человека, о которомъ умъ человеческій ничего не можетъ сказать положительнаго по той простой причинѣ, что всѣ силлогизмы его ума не уйдутъ въ данномъ случаѣ и на шагъ отъ предположеній и диалектики. Правда по отношенію къ Святому Григорію Нисскому нужно сказать, что онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своихъ твореній ясно высказываетъ ту мысль, что души умершихъ людей *живутъ* за гробомъ *сознательною* жизнью, мыслятъ, чувствуютъ... Самымъ сильнымъ мѣстомъ въ этомъ отношеніи является „слово надгробное Плакиллъ“ ⁴⁾ (ч. 8. ст. 407—425). Здѣсь Григорій Нисскій, проводя контрастъ между *настоящей* и *будущей* жизнью, говоритъ, что праведники *за гробомъ тотчасъ же* вступаютъ въ обители Царства Небеснаго и получаютъ полное *блаженство*, вѣнцы славы, общеніе съ ангелами, созерцаніе Бога, свободу (ст. 416—417, 420). Но кто ближе приглядится къ этому слову, тотъ увидитъ, что Св. Отецъ говоритъ это не на основаніи своихъ метафизическихъ соображеній, а на основаніи религиозныхъ убѣжденій, что это христіанское *ораторское* слово, въ которомъ хочетъ утѣшить слушателей и представить имъ, что умершая мало потеряла, перейдя отъ земной тлѣнной жизни къ *осуществленію* будущей. Здѣсь Григорій говоритъ, какъ христіанскій *ораторъ*, какъ человекъ, для котораго мо-

1) „Объ устройеніи человека“.

2) „О душѣ и воскр.“ 204.

3) „О душѣ и воскр.“, стр. 205.

ментъ смерти совпадалъ въ мысли съ моментомъ воскресенія, совпадалъ потому, что такъ требовалось самыми характеромъ слова и обстоятельствами его произношенія. Григорій Нисскій мыслить объ умершей такъ, какъ бы она уже воскресла.

Можно, впрочемъ, допустить ту мысль для объясненія явнаго мѣста, что здѣсь Святой Отецъ говоритъ о *существованіи* духа человѣка за гробомъ можетъ быть въ какой нибудь *особой формѣ бытія*, можетъ быть даже, съ особымъ сознаниемъ и особою мыслью, которія не возможны въ *настоящей жизни* человѣка. Болѣе впрочемъ вѣроятно, что въ данномъ мѣстѣ Святой Отецъ, явился выразителемъ *общаго вѣрованія*, а не своихъ философскихъ убѣжденій, такъ какъ признаніе *сознательной жизни* человѣка—за гробомъ—это возвышается надъ метафизическими соображеніями и противорѣчитъ христіанскому догмату о „необходимости воскресенія“. Иначе зачѣмъ человѣку воскресать, если онъ можетъ жить безъ организма полной сознательной жизнью? А Григорій Нисскій такъ много и часто говоритъ о необходимости воскресенія человѣка именно съ тѣломъ. Въ трактатѣ „О душѣ и воскресеніи“, рассуждая о прискорбности смерти, Григорій Нисскій, между прочимъ, говоритъ, что жаль въ фактѣ смерти собственно то, что „та жизненная причина, которая нѣкогда находилась въ тѣлѣ, вдругъ дѣлается *невидимою и непримѣтною*“, подобно огню въ свѣтильникѣ, когда въ немъ нѣтъ горючаго матеріала. Далѣе онъ говоритъ даже, что положеніе: „душа *должна* пребывать вѣчно“ не имѣетъ подъ собою твердой почвы въ метафизическихъ доказательствахъ. Поэтому Святой Отецъ, сдѣлавъ далѣе гисеологической предпосылкой безсмертія духа утвержденіе бытія Божія и богоподобія человѣка въ свободѣ и разумности его духа, вступаетъ въ область понятій о Богѣ, какъ о Существѣ *отчюмъ* и человѣкѣ Его образѣ и, возставая противъ древнихъ философовъ, утверждавшихъ, что душа смертна, прямо утверждаетъ, что душа *должна быть вѣчною*, такъ какъ Богъ вѣченъ, а душа—образъ Божій. Такимъ образомъ, что душа безсмертна, мы для этого собственно не имѣемъ никакихъ *вѣсскихъ фактическихъ* доказательствъ, такъ какъ существующія доказательства говорятъ только о возмож-

ности безсмертія духа, а не *дѣйствительности* этого безсмертія. И вездѣ, гдѣ Святый Григорій Нисскій касается вопроса о существованіи духа человѣческаго за гробомъ, онъ говоритъ только о томъ, что духъ человѣка послѣ смерти человѣческаго организма сохраняетъ свои природныя способности—разумность и свободу, но нигдѣ не говоритъ на метафизическихъ основахъ о *мысли* и *сознаніи* человѣческаго духа, какъ о *процессахъ въ природѣ чистаго духа* по смерти человѣка.

VI.

Происхожденіе смерти. Назначеніе человѣка. Его подлинная природа и наличная жизнь. Катастрофа въ его бытіи. Зло. Грѣхъ.

„Возмездіе за грѣхъ—смерть“. (Рим. VI, 23).

Святый Григорій Нисскій, смотря на смерть съ метафизической точки зрѣнія, признавалъ за ней по отношенію къ бытію человѣка значеніе не естественнаго конца выполненнаго дѣла, назначенія, цѣли и бытія человѣка, не просто даже разсматривалъ смерть, какъ переходный моментъ человѣка отъ одной формы бытія—физически-психической къ чисто-духовной, а какъ на необходимое *слѣдствіе* той катастрофы, которая произошла еще съ первымъ человѣкомъ и кореннымъ образомъ перемѣнила теченіе человѣческой жизни, такъ что человѣкъ сталъ жить не по требованіямъ своей подлинной природы, а совершенно подчинился чуждой ему жизни физическаго міра и долженъ былъ необходимымъ закономъ своей жизни признать борьбу за существованіе, а не вѣчное развитіе и жизнь свою по идеалу богоподобія. А что эта катастрофа дѣйствительно произошла, это Григорій Нисскій доказываетъ не только Священнымъ Писаніемъ, а чисто философскимъ путемъ, при чемъ свои доказательства онъ заимствуетъ и ставитъ на самыхъ надежныхъ основаніяхъ—живыхъ психологическихъ фактахъ жизни человѣческаго духа.

Въ этомъ случаѣ Григорій Нисскій раскрываетъ очень глубокое ученіе „о природѣ человѣка“ и „о дѣйствительной, наличной жизни человѣка на землѣ“, при чемъ онъ видитъ противорѣчіе между природой и жизнью: жизнь человѣка на землѣ

вовсе не течетъ такъ, какъ говорить голосъ сознанія, голосъ самой природы; объ этомъ противорѣчіи въ человѣкѣ говоритъ *совѣсть*. Такимъ образомъ, необходимыми въ *мысли* моментами въ раскрытіи происхожденія смерти являются: 1) подлинная—богоподобная природа человѣка, 2) назначеніе его, 3) наличная ненормальность человѣка, какъ доказательство катастрофы, происшедшей съ первымъ человѣкомъ, 4) сущность катастрофы—грѣхопаденіе, 5) грѣхъ, зло. Эти положенія мы и должны обосновать при свѣтѣ доктрины св. Григорія Нисскаго. Центральное мѣсто въ антропологии Св. Григорія Нисскаго занимаетъ его ученіе о человѣкѣ, какъ объ *образѣ* Божіемъ. Это ученіе красной нитью проходитъ чрезъ всю философскую христіанскую систему Св. Отца. Объ этомъ имъ написанъ даже цѣлый трактатъ „объ устройствѣ человѣка“; (ч. I-я стр. 76—223), при чемъ это ученіе въ доктринѣ Григорія Нисскаго не является только однимъ голымъ утвержденіемъ положенія, заимствованнаго изъ Библии, нѣтъ, Св. Отецъ доходитъ до него путемъ чисто философскимъ, аргументальнымъ на основаніи глубокаго изученія психологии и жизни человѣка. Чтобы понять это яснѣе, нужно обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Подобно Декарту. Григорій Нисскій дѣйствительность Божія бытія всегда считаетъ непреложнымъ фактомъ и дѣлаетъ этотъ фактъ постоянно *гносеологической* предпосылкой своего ученія о человѣческой природѣ, назначеніи человѣка и вообще о человѣкѣ ¹⁾. Но не значитъ ли это доказывать извѣстное положеніе неизвѣстнымъ? Нѣтъ. Ясное дѣло, что *скрытой* предпосылкой всѣхъ вообще богословскихъ, философскихъ и антропологическихъ утвержденій Григорія Нисскаго было *не гносеологическое* только значеніе Божія бытія, а ученіе о подлинной *богоподобной* природѣ человѣка, какъ объ „*абсолютной личности*“, противорѣчащей физическому бытію міра съ его законами механической необходимости. На этомъ фундаментѣ и возводилъ Григорій Нисскій все зданіе своей философской системы.

Св. Отецъ учитъ о духѣ человѣческомъ, какъ объ образѣ Божіемъ, выходя изъ того основанія, что духъ человѣка—это

1) „О душѣ и воскресеніи“ стр. 210—213.

„разумная, свободная и живая сущность“¹⁾ или „свободная личность“, личность. Въ понятіи „личность“, „свободный духъ“ мыслятся два признака—признакъ „самостью“ и „самопричины“. Вглядѣвшись въ это понятіе, мы увидимъ, что оно и есть именно понятіе объ Абсолютномъ, о Самобытной Личности, о Богѣ. Но человѣкъ—не Богъ, такъ какъ Богъ мыслится Самопричиной и Самоцѣлю въ *бытіи*, какъ *Сущность*, а человѣкъ мыслится самопричиной и самоцѣлю, какъ *явленіе*, т. е. въ жизни, въ бываніи (*daswerden*); или говоря проще, является человѣкъ самопричиной и самоцѣлю только въ *сознаніи* своемъ, или—цѣлю и причиной только своихъ поступковъ и дѣйствій, а не причиной самаго бытія и не цѣлю всего бытія. Значить, человѣкъ—личность поставлена въ условія ограниченнаго существованія, въ условія пространства и времени. Выходитъ поэтому, что онъ—личность не по *природѣ*, а только *выраженіе* Абсолютной личности въ условномъ бытіи матеріальнаго міра. Или, говоря яснѣе, человѣкъ является личностью только въ своемъ *сознаніи*. Но это сознаніе *реально* дано *въ бытіи* духа человѣческаго, слѣдовательно, *человѣкъ является действительнымъ* выраженіемъ въ условномъ бытіи Безусловнаго Бога, или что то же—„образомъ Божиимъ“. Какъ „образъ Божій“, человѣкъ все, что мыслить о Богѣ по своему сознанію, которое говоритъ о подлинной природѣ Бога, мыслить вѣрно. А онъ мыслить о Богѣ, какъ объ объективно существующей Безусловной Личности, всемогущей, вѣчной, благой и т. д.²⁾ Поэтому то и становится понятнымъ, почему Св. Григорій Нисскій беретъ развитое понятіе о Богѣ и съ точки зрѣнія его учитъ о человѣкѣ. Богъ является Первообразомъ челоѣка, а челоѣкъ—отображеніемъ Его въ бытіи физическаго міра, живой идеей Бога въ мірѣ. Поэтому—все равно: выходитъ ли изъ *понятія* о Богѣ и *дѣйствительности* Его бытія или изъ понятія о подлинной при-

1) „Слово въ скорбящимъ объ умершихъ“ стр. 516, ч. VII.

2) „О душѣ и воскресеніи“ 225 стр. 214.

2) Противъ Евномія, книг. XII.

„Объ устройствѣ челоѣка“ гл. V 90 ст. ч. 1.

„Большое огласт. слово“ гл. I ст. 5—8 ч. 4.

родѣ чловѣка, являющейся единственнымъ въ физическомъ мѣрѣ доказательствомъ объективнаго существованія Бога. Вотъ почему, когда Григорій Нисскій учитъ о *назначеніи* чловѣка, то выходитъ изъ понятія какъ о Богѣ, такъ и о чловѣкѣ, какъ образѣ Божиємъ. Если Богъ создалъ чловѣка „Своимъ образомъ“, то несомнѣнно съ какою-нибудь высокою цѣлью. По благодсти Своей Онъ создалъ чловѣка для блаженства и для того, чтобы чловѣкъ въ условномъ бытіи отобразилъ во всей полнотѣ Безусловное, отразилъ Самого Бога ¹⁾. А Богъ вѣченъ и безконеченъ по Своимъ совершенствамъ, слѣдовательно, чловѣкъ созданъ для вѣчнаго нравственнаго усовершенствованія, для безконечнаго богоуподобленія. Такъ, напримѣръ, въ трактатѣ, носящемъ названіе „большаго огласительнаго слова“ Григорій Нисскій говоритъ: „Богъ—есть Творецъ естества чловѣческаго, не какою-либо необходимостью приведенный къ устроенію чловѣка, но по *преизбытку любви* приведшій въ бытіе *такое* живое существо (чловѣка). Ибо не должно было оставаться свѣту Его незримымъ, и слазѣ не засвидѣтельствованною, и благодсти неизвѣданною, и всему прочему, что усматривается въ естествѣ Божиємъ, празднымъ, еслибы не было наслаждающагося этимъ причастника. Посему чловѣкъ... устрояется такимъ, чтобы ему быть *способнымъ къ причастію блаз...* Посему же украшенъ онъ и *жизнью*, и словомъ, и мудростью, и всѣми боголѣпными благами... Поелику же въ числѣ *благъ* свойственныхъ *естеству* Божию, находится *вѣчностъ*, то надлежало естеству нашему имѣть въ себѣ *безсмертіе*, чтобы *могло* познать превысшее Существо. Книга міробытія выразила это *многоблазующимъ* словомъ въ одномъ *выраженіи*, когда говоритъ, что *чловѣкъ* созданъ по образу *Божію*“ ²⁾. Образъ же Божій въ чловѣкѣ Григорій Нисскій видитъ, именно, въ *духовности* души чловѣка, какъ умопостигаемой, безплотной и чуждой всякихъ пространственныхъ опредѣленій ³⁾. При чемъ онъ приписываетъ душѣ два свойства: *ак-*

1) „О младенцахъ преждевременно покидаемыхъ смертію“, стр. 338, ч. IV.

2) „Большое огласит. слово“, гл. V, стр. 16 ч. IV.

3) „Слово къ скорбящимъ“... стр. 501—503, ч. VII. „О душѣ и воскресеніи“, стр. 230. 214.

тивность и свободу. По его словамъ, душа—„нѣчто такое, что *умопредставительною* и *изобрѣтательною силою* уразумѣваетъ и *веществомъ* выражаетъ мысль“¹⁾. Активность духа проявляется, главнымъ образомъ, въ работѣ мысли... Мысль есть нѣкое *собственное движеніе* и *дѣйствіе ума*“²⁾. Такъ что если перевести это опредѣленіе на современный нашъ философскій терминъ то эту самоопредѣляющую силу души, ея самостоятельность мы назовемъ—сознаніемъ человѣкомъ самого себя, какъ свободной причины и цѣли всѣхъ своихъ дѣйствій, или, что тоже, *личностью*. Такимъ образомъ, личность въ человѣкѣ это сознаніе человѣкомъ самого себя „*свободнымъ дѣятелемъ* въ мірѣ“. Понятны поэтому слѣдующія слова Григорія Нисскаго: „человѣкъ *богоподобенъ* и *блаженъ*, потому что удостоенъ свободы (такъ какъ *самодержавіе* и независимость есть свойство божескаго блаженства). А свобода—есть подобіе Богу“³⁾. Но это философское ученіе о богоподобіи человѣка и его великомъ назначеніи въ мірѣ для *вѣчнаго* отображенія Божіихъ свойствъ въ условномъ бытіи по идеалу богоподобія идетъ въ разрѣзъ съ дѣйствительностью, съ наличной жизнью человѣка на землѣ: онъ *умираетъ*, чѣмъ совсѣмъ не осуществляетъ вѣчной цѣли своего бытія, и вовсе не живетъ богоподобной жизнью, а живетъ жизнью „*скотоподобной*“, жизнью безсловесныхъ тварей, физическимъ содержаніемъ жизни. Св. Григорій Нисскій объ этомъ противорѣчій природы человѣка и его назначенія съ дѣйствительною жизнью говоритъ слѣдующими словами: „кто-нибудь можетъ быть станеть оспаривать (т. е. то, что человѣкъ богоподобенъ по природѣ), *смотря* на *настоящее*. и вздумаетъ обличить это ученіе во лжи, потому что человѣка видитъ *теперь* не *въ томъ*, но по видимому почти *въ противоположномъ* состояніи. Такъ какъ *гдѣ же* богоподобіе души? Гдѣ не подлежащее страданію тѣло? Гдѣ вѣчность жизни? Человѣкъ—*смертенъ*, *страдаетъ* и *скоробитъ* и *по душѣ* и *по тѣлу* и потому расположенъ ко всякаго рода *страданіямъ*“⁴⁾. Это

1) „О душѣ и воскр.“ стр. 218—219. 2) Ibid. 222 ст.

3) „О умершихъ слово къ скорбящ.“ стр. 516. ч. VII.

4) „Больш. оглас. слово“ гл. V, стр. 17-я ч. 4.

несоотвѣтствіе жизни и природы человѣка невольно вызываетъ въ умѣ вопросъ о причинѣ такого состоянія человѣка. Отвѣтомъ на это является ученіе Святаго Григорія Нисскаго о грѣхопадѣніи перваго человѣка, о катастрофѣ, происшедшей не въ природѣ человѣка, а въ его жизни, въ избраніи человекомъ формы жизни, несоотвѣтствовавшей подлинной природѣ человѣка. Въ необходимости признанія этой катастрофы Григорій Нисскій доходитъ чисто фактическимъ путемъ, т. е. беретъ самую жизнь человѣка, ея явленія, выясняетъ ихъ ненормальность, а потомъ сопоставляя съ тѣмъ, что, если эта жизнь земная сознается, какъ не нормальная, значитъ въ сознаніи и мысли есть что-то, что говоритъ объ этой ненормальности; есть, значитъ, въ человѣкѣ сознаніе истинной человѣческой жизни,—это *совѣсть*, но только человѣкъ не можетъ жить жизнью по совѣсти, по сознанію, такъ какъ онъ лишенъ *свободы духа* въ силу признанія имъ рокового закона борьбы за существованіе, который всецѣло поработилъ человѣка себѣ ¹⁾. Прекрасную и сильную иллюстрацію этого мы находимъ у Григорія Нискаго, на примѣръ, въ словѣ надгробномъ Плакилѣ. „Божественный Апостоль, бывшій участникомъ неизрѣченныхъ тайнъ рая, говоритъ о *здѣшней* жизни, можетъ быть отъ лица вообще всѣхъ людей: *окаянсь азъ человекъ; кто избавитъ мя отъ сего тѣла смерти?* (Рим. VII, 24) Почему такъ говорить? Потому что за *гораздо* лучшее почитаетъ *разрѣшиться* и со Христомъ быть. Что говорить великій Давидъ, имѣющій во своей власти все нужное для удовольствія и наслажденія? Не тяготится—ли жизнью? Не называетъ—ли *темницею* здѣшнюю жизнь? Не вопіетъ—ли ко Господу: „изведи изъ темницы душу мою“ (пс. 141, 8)? Не *печалится*—ли продолженіемъ жизни, „увы мнѣ,“ говоря „яко *пришествіе* (въ жизнь) мое *продолжися*“ (пс. 119, 5) ...Разсуди, въ чемъ *проявляется* жизнь... Какое наказаніе можетъ быть тяжелѣе того, какъ *все* время быть въ *подчиненіи* вѣлѣніямъ чрева?... Хорошо Соломонъ *здѣшнюю* жизнь называетъ *сосудомъ* сокрушеннымъ и *чужимъ* домомъ (Прит. 23, 27). Поистинѣ она *чужой* домъ, а не *нашъ*, потому что не отъ насъ зависитъ *пробыть*

¹⁾ „Больш. огл. слово“ стр. 17—18. ч. IV.

въ немъ, когда желаемъ и сколько желаемъ; но и того, какъ вводимся въ этотъ домъ, не знаемъ, и когда выйдемъ, тоже не знаемъ“¹⁾. Признавая положеніе, что жизнь человѣческая течетъ ненормально, что человѣкъ живетъ не своей *подлинной* жизнью, а жизнью *чужой* (обширной иллюстраціей этого положенія служитъ между прочимъ цѣлый экзегетическій трудъ Григорія Н.—это толкованіе на Экклезіастъ, гдѣ именно сплошь говорится все объ одномъ и томъ-же: „о ненормальности жизни наличной человѣка“, „о бессмыслицѣ жизни“ и соображая въ то же время о томъ, что человѣкъ *по своей природѣ* назначенъ для „истинной жизни“ по подобію Бога, Григорій Нисскій *чисто логическимъ* путемъ приходитъ къ тому разумному заключенію, что эта „ненормальность жизни человѣка дана не съ бытіемъ его, а произошла въ жизни человѣка, но произошла, радикально измѣнивъ всю жизнь человѣка и сдѣлавъ невозможной *богоподобную* жизнь). Словомъ, Григорій Нисскій приходитъ къ утверженію того положенія, что еще въ родоначальникѣ человѣчества произошла коренная перемѣна, въ силу которой жизнь людей и стала течь такъ, какой она течетъ теперь въ наличномъ земномъ существованіи человѣка. Конечно, не Богъ причиной этой перемѣны въ человѣкѣ, а самъ человѣкъ, добровольно избравшій себѣ то, что захотѣлъ. Григорій Нисскій слѣдующимъ образомъ выясняетъ-то, что въ жизни человѣка необходимо произошла катастрофа: „настоящая несообразность человѣческой жизни (ея бессмысліе, несоотвѣтствіе съ назначеніемъ человѣка) не служитъ достаточнымъ *опроверженіемъ* того, *будто бы* человѣкъ *никогда не былъ въ добромъ состояніи*. Такъ какъ онъ есть дѣло Божіе, и Богъ это живое существо *по благодати* привелъ въ бытіе, то никто не въ правѣ такъ думать о томъ, *чему причиною созданія* была *благодать*. Напротивъ, другая причина того, что въ такомъ состояніи мы нынѣ и лишены предпочтительнѣйшаго. Кто сотворилъ человѣка быть причастникомъ собственныхъ Своихъ благъ и въ естествѣ человѣческомъ уготовалъ поводъ ко всѣмъ для него совершенствамъ, чтобы при каждомъ *возмездіи* стремилось къ подобному: тотъ не ли-

¹⁾ «Слово Плакиль», стр. 418—419, ч. 8.

или бы наилучшаго и драгоценнѣйшаго изъ благъ, разумѣю даръ *непорабощенія* свободы. Но спросишь, почему же по всему почтенный наилучшими дарами промѣнялъ блага на худшее? Но и на это отвѣтъ ясенъ. *Всякое происхожденіе зла* имѣло начало не въ *Божіемъ изволеніи*, потому что порокъ не подлежалъ бы порицанію, Творцомъ и Отцомъ приписывая себѣ Бога. Напротивъ того, *зло зарождается какъ то внутри*, составляемое свободнымъ произволеніемъ тогда, когда происходитъ какое-то *удаленіе души отъ хорошаго*¹⁾. Такимъ образомъ, необходимымъ элементомъ ученія Григорія Нисскаго „о ненормальности“ *человѣческой жизни* является разъясненіе *сущности грѣхопаденія* первыхъ людей. Чтобы вполне усвоить и понять глубокое ученіе Григорія Нисскаго о сущности грѣхопаденія, нужно имѣть въ виду то, что онъ пришелъ къ нему не а ригіи и не основываясь только на Библии, а изъ *онтологическаго понятія* о злѣ и грѣхѣ. Извѣстно, что большинство *человѣческихъ религиозно-философскихъ доктринъ* держатся о *злѣ* и *грѣхѣ* моральнаго ученія, и это думаютъ даже многіе изъ *христіанскихъ философовъ и учителей церкви*²⁾. Григорій Нисскій думалъ, что моральное ученіе о злѣ и грѣхѣ очень недостаточно для того, чтобы понять *всю роковую силу и необходимость зла* въ жизни человѣка, что грѣхъ и зло, понимаемые, какъ *преступленія* заповѣди, данной совнѣ, могутъ требовать только со стороны законодателя или кару или прощеніе, при чемъ виновнымъ въ этомъ первомъ грѣхѣ могъ быть только первый *человѣкъ*, какъ его совершитель, а не все потомство—человѣчество,—слѣдовательно, и наказаніе смертию и бѣдствіями жизни должно было касаться *только тѣхъ* людей, которые грѣшатъ; а между тѣмъ *всѣ* люди умираютъ, значить, зло жизни заключается въ *тамъ*, что уничтожается смертию, т. е. вся жизнь *человѣка на землѣ* по физическимъ опредѣленіямъ жизни. Кроме того, если *Адамъ* не исполнялъ *Божью заповѣдь*, то могъ ее выполнить другой *человѣкъ*, да и

1) „Большое огд. слово“, ч. 4. гл. V, ст. 18.

2) Теофілъ Антиохійскій, (Ad Antolic. cap. 21).

Ириней Лионскій. (Contra Haeres. lib. III, c. 21, lib. V 21.

Аванасій Ал., „противъ Анол. и др.

Адамъ могъ исправить свою ошибку, если она была только моральною содержанія, т. е. была моментомъ въ мысли и сознаніи человѣка, а за каждымъ отдѣльнымъ моментомъ сознанія можетъ и слѣдуетъ новый моментъ, необходимо мыслимый въ сознаніи, какъ противоположный предыдущему. Слѣдовательно, грѣхъ мыслимый морально, не долженъ бы измѣнять всего процесса жизни радикально, а долженъ бы имѣть мѣсто въ сознаніи и мысли человѣка, и человѣкъ могъ бы жить, при желаніи, полной богоподобной жизнью; однако этого мы не видимъ въ дѣйствительности: *безгрѣшныхъ людей нѣтъ и вѣчныхъ смертныхъ не было на землѣ*. Григорій Нисскій держался онтологическаго ученія о злѣ и грѣхѣ.

Нужно сказать, что вопросъ о злѣ и грѣхѣ—давно волнуетъ философскую и религіозную мысль человѣка, но полной, обстоятельной формулировки и рѣшенія этой проблемы мы не имѣемъ и до настоящаго времени. Только въ христіанствѣ дано фактически разрѣшеніе зла, но полно и обстоятельно выясненной доктрины христіанской о злѣ мы не имѣемъ кромѣ той, какая изложена въ ученіи Св. Григорія Нисскаго. Это не голословное утвержденіе библейскаго ученія о грѣхопадѣніи прародителей, а обоснованная и философски оправданная фактами жизни и психологіи человѣческой доктрина.

Много—много вѣковъ человѣчество рѣшало вопросъ о происхожденіи и сущности зла, но въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ оно не нашло при посредствѣ своего разума вполне удовлетворительнаго отвѣта. Исторія рѣшенія этого вопроса представляетъ изъ себя цѣпь постоянныхъ смѣнъ очарованія и разочарованія людей въ удовлетворительности тѣхъ рѣшеній, которыя придумывала человѣческая мудрость. Не могло человѣчество остаться равнодушнымъ къ этому своему вопросу, потому что онъ возникалъ не въ интересахъ празднои мысли, а въ интересахъ живой жизни человѣка: человѣчество постоянно страдало и гибло во злѣ. Давно—давно появлялись на землѣ люди, чуткіе къ человѣческимъ страданіямъ. Эти люди были *подавляемы суммой зла* на землѣ, самыя радости земныя имъ казались горемъ людскимъ, а зло—всемогущимъ. Сколько ни работала мысль этихъ людей, она ничего не могла

придумать къ его уничтоженію; а жизнь людей между тѣмъ шла, текла своимъ чередомъ. И вотъ измученная мысль этихъ людей приходила къ сознанию горькой необходимости зла, и единственнымъ исходомъ изъ этого зла является погруженіе въ нирвану послѣ смерти, которая является единственной избавительницей отъ зла и жизни. Такъ думалъ за долго до Рождества Христова мудрецъ—Шакія-Муни, основатель буддизма, и милліоны людей признали его проповѣдь за голосъ Самого Бога.

Но прошло нѣсколько вѣковъ, и явился новый учитель, который *не захотѣлъ* помириться со зломъ. Онъ призналъ единственною цѣлью жизни людей—добро, благо; а зло, по его мнѣнію, явилось среди людей независимо отъ нихъ самихъ. Добро и зло—это двѣ живыя личныя силы, которыя ведутъ борьбу между собою съ начала вѣковъ. Зло, желая внести разладъ въ царство добра, избрало полемъ своихъ дѣйствій—людей созданныхъ Добромъ. И вотъ отъ борьбы этихъ двухъ началъ—добраго и злого, ареной которой являются души и жизнь людей, возникаетъ все зло жизни человѣка, всѣ его несчастія, бѣдствія и страданія людей, *вышшимъ* завершеніемъ которыхъ является *смерть* человѣка. Но настанетъ время, и зло будетъ побѣждено добромъ, и тогда наступитъ для людей время блаженства. Въ жизни же своей человѣкъ долженъ только помогать добру побѣждать зло, хотя человѣкъ всетаки не можетъ окончательно побѣдить зло, такъ какъ оно обладаетъ самобытнымъ всемогуществомъ. Такъ училъ людей восточный магъ—философъ—Зороастръ, и опять люди признали его голосъ за голосъ Бога. Минуло еще нѣсколько вѣковъ. Человѣческая мысль успѣла выйти изъ младенческаго состоянія недомыслія и наивности, достаточно окрѣпла, явились болѣе зрѣлые умы,—и снова началось рѣшеніе вѣковѣчныхъ вопросовъ. Человѣчество оставило ненадежную почву безплодной діалектики ума изъ предпосылокъ одной только мысли человѣческой, а обратилось къ живымъ фактамъ своей жизни. Такъ какъ зло имѣло мѣсто только у людей, и люди имѣли право говорить о злѣ *только* по отношенію къ самимъ себѣ, то повтому человѣкъ сталъ изучать свою природу и жизнь

съ цѣлью на этомъ научномъ пути найти рѣшеніе своего вѣковѣчнаго вопроса. Если зло преслѣдовало человѣка всю его жизнь, то *конецъ жизни*—смерть—признавался концомъ—зла, отрицаніемъ зла, прекращеніемъ его, благомъ для человѣка. Но такъ какъ изученіе природы человѣка приводило къ утверженію того положенія, что человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла и живетъ онъ на землѣ всецѣло опредѣленіями своей *физической* природы, а не духа, то по-этому источникомъ зла Грекъ призналъ тѣло, плоть человѣка. Пока продолжается земная жизнь, зло будетъ господствовать надъ человѣкомъ неизмѣнно, потому что это господство на томъ и держится, что духъ соединенъ съ тѣломъ, доброе начало повержено въ темницу зла. И лишь только жизнь прекратится, такъ тѣло возвратится въ злое начало—матерію, а духъ возвратится въ разумное царство „идей“. Слѣдовательно, смерть является прекращеніемъ *большиннаго*, ошибочнаго, ненужнаго соединенія добра и зла и вмѣстѣ съ тѣмъ прекращеніемъ всѣхъ бѣдствій и несчастій жизни. Такъ училъ грекъ—философъ Платонъ. Его же ученіе потомъ развивали другія философскія и религіозныя системы дуалистическаго направленія, въ родѣ гностицизма, манихейства, которыя также считали зломъ бѣдствія и несчастія земныя и источникомъ ихъ матерію. Отсюда и выходило съ логическою послѣдовательностью то, что для *подавленія* зла необходимымъ средствомъ являлось уничтоженіе въ человѣкѣ всякихъ движеній плоти, аскетизмъ, апатія, атараксія какимъ бы то ни было путемъ, хотя бы путемъ разврата. Конечнымъ же завершеніемъ этого подавленія матеріальнаго начала въ человѣкѣ, какъ зла, является смерть, послѣ которой духъ будетъ жить свободной жизнью за гробомъ.

Такимъ образомъ, всѣ разсмотрѣнныя нами древнія доктрины, буддизмъ—парсизмъ, платонизмъ, всевозможныя системы дуалистическаго характера какъ, на примѣръ манихейство и гностицизмъ,—словомъ, всѣ эти доктрины считали человѣка ошибкой въ бытіи, ошибкой Самого Бога и дѣлали его игрушкой въ рукахъ міровыхъ началъ, лишали всякаго смысла его жизнь на землѣ, въ злѣ видѣли роковую необходимость, а за смертью не

признавали никакого разумнаго смысла; потому, что нельзя же въ самомъ дѣлѣ признать за смертью разумный смыслъ въ томъ случаѣ, если она признается въ качествѣ освобожденія *на отки* духа человѣческаго изъ темницы тѣла и матеріи.

Въ то время, какъ языческая мысль выбивалась изъ силъ надъ рѣшеніемъ вопроса о злѣ, его происхожденіи, сущности и послѣдствіяхъ и приходила къ тому окончательному выводу, что зло самобытно, въ это время особнякомъ жилъ среди человѣчества одинъ народъ, главный религіозный законодатель котораго, опредѣлившій весь бытовой, религіозный и политическій строй этого народа, далъ ему особенное, замѣчательно простое, какъ истина, при томъ безконечно глубокое рѣшеніе вѣковѣчной проблемы зла. Этотъ мудрецъ, Моисей, говорившій словами Самого Бога, въ своихъ книгахъ, говоря о появленіи на землѣ человѣка по особому Божьему изволенію и о богоподобной природѣ его, на первыхъ же страницахъ своей первой книги объясняетъ происхожденіе зла среди людей, хотя и по дѣйствию чуждой человѣку злой и живой силы, однако избраніе этого зла совершилось самимъ первымъ человѣкомъ *добровольно*, или, правильнѣе сказать, самовольно. Человѣкъ захотѣлъ самъ жить такъ, какъ ему казалось лучше, а ему казалось лучше жить не по законамъ своего богоподобнаго духа, а по физическимъ влеченіямъ своего организма. Но это простое разрѣшеніе проблемы зла среди людей было дано въ формѣ простаго библейскаго разсказа о вкушеніи прародителями запрещеннаго плода, но его, по мнѣнію св. Григорія, слѣдуетъ понимать не въ *буквальномъ* смыслѣ, а въ метафизическомъ. Потому, что въ этомъ повѣствованіи Моисея заключается глубокой міровой смыслъ, дано рѣшеніе вѣковѣчнаго вопроса о злѣ.

Чтобы понять это повѣствованіе въ настоящемъ свѣтѣ, нужно посмотрѣть на него именно съ *философской* стороны, со стороны его глубокой человѣчности и міроваго значенія. Буквальное же пониманіе Моисеева повѣствованія о грѣхопадении св. Григорій называлъ „ἀσυστάτου ἢ μωδῶδες“, т. е. „мнѣподобнымъ“¹⁾.

1) In Cant. praefat. col. 761. CB. Migne.

Оригинальное обоснование и философское выяснение мирового смысла грѣхопадения можно находить у Св. Григорія Нисскаго въ слѣдующихъ соображеніяхъ. Онъ прежде всего поставилъ вопросъ о сущности зла, что такое зло, и опредѣлилъ его въ смыслѣ радикальнаго уклоненія человѣка *отъ истины* своей подлинной богоподобной природы и вѣчнаго назначенія въ мірѣ для жизни божественной, такъ что опредѣленіе къ жизни по идеалу богоподобія осталось только въ сознаніи человѣка, въ его безотчетномъ стремленіи къ безконечному совершенству, въ его нравственномъ сознаніи, въ совѣсти. Отсюда грѣхомъ является вся жизнь человѣка вообще, какъ отрицаніе жизни истинной человѣка, какъ неосуществленіе подлинной цѣли бытія человѣка. Слѣдовательно, этимъ *первороднымъ* грѣхомъ виновны всѣ люди, разъ только они являются въ мірѣ физическій для своего неистиннаго существованія. Поэтому всякій моментъ этой жизни, когда онъ въ сознаніи человѣка является прямымъ противорѣчіемъ голосу его, который говоритъ о томъ, что *должно быть*, всякій такой моментъ въ человѣческой мысли полагается, какъ *моральный* грѣхъ, какъ преступленіе ¹⁾. Зло и грѣхъ поэтому являются отрицаніемъ богоподобія человѣка, истины его бытія и природы, а какъ отрицаніе добра, зло является только противоположностью добра или *опредѣленія жизни человека по истинѣ*. Поэтому зла субстанціально не существуетъ, оно только отрицаніе опредѣленія жизни по истинѣ, а жизнь по истинѣ только и можетъ считаться *бытіемъ* въ подлинномъ смыслѣ, поэтому Григорій Нисскій называетъ зло *μη ὂν* ²⁾, не сущее, отрицаніе сущаго, отрицаніе бытія въ подлинномъ смыслѣ. Въ то время, какъ языческіе философы учили о злѣ, какъ о *живомъ началѣ*, христіанскіе философы—отцы и учителя Церкви, какъ напримѣръ, Григорій Нисскій, въ противовѣсъ имъ учили о злѣ, какъ о *явленіи* въ жизни людей. Языческіе мудрецы признавали за зломъ значеніе *живого бытія*, христіанскіе обладатели Христовой мудрости не признавали за нимъ такого

1) „Объ устроения человѣка“ гл. XII, 117. гл. XVII, стр. 148—149. гл. XVIII, ст. 149, 150, 151. гл. XX, 157—160. гл. XXI, 162. Часть I.

2) Больш. оглос. слов, гл. VI, т. IV.

значенія и поэтому учили о злѣ, только, какъ объ отрицательной сторонѣ добра, а добро—признавалось—истиннымъ бытіемъ; поэтому зло мыслилось, какъ неимѣющее сущности, „не сущее“, μή ὄν. Зла на самомъ дѣлѣ субстанціально не существуетъ, оно—только отрицаніе истинно-сущаго. Зло или, что одно и тѣ же, порокъ, грѣхъ имѣетъ мѣсто только въ жизни сознательныхъ существъ, созданныхъ для богоподобія; оно просто—противоположность добра. какъ жизни по идеалу богоуподобленія, какъ жизни человѣка по истинѣ его природы. Вотъ какимъ образомъ опредѣляетъ Григорій Нисскій зло: „какъ небытіе противоположно бытію, такимъ же образомъ и порокъ противоположенъ добродѣтели, не какъ что-либо само по себѣ сущее, но какъ нѣчто разумѣваемое подъ отсутствіемъ добра. Порокъ усматривается въ лишеніи добра“¹⁾. „Зло не иное что, какъ порокъ; всякій же порокъ есть недостатокъ добра. Внѣ свободнаго произволенія нѣтъ никакого самобытнаго зла“²⁾. „Зло—одно только отчужденіе отъ добра“³⁾. „Грѣхъ не есть существенное свойство нашей природы, но уклоненіе отъ нея. Подобно тому, какъ болѣзнь и уродство не отъ начала прирождены нашей природѣ, но составляютъ противоестественное явленіе; такъ и дѣятельность, направленную ко злу, должно признавать какъ бы какимъ искаженіемъ врожденнаго намъ добра; зло мы понимаемъ не какъ нѣчто самостоятельное въ нашей природѣ, но смотримъ на него какъ на отсутствіе только добра“⁴⁾.

Держась такого пониманія зла и грѣха, Григорій Нисскій отрицалъ всѣ другія пониманія зла—въ смыслѣ утилитаристическомъ, какъ—*вредъ*, въ смыслѣ евдемонистическомъ, какъ *страданіе*, даже не въ смыслѣ моральномъ,—какъ *преступленіе* заповѣди изъ—внѣ данной, а утверждалъ онтологическое пониманіе зла, какъ уклоненіе человѣка отъ истинны своего бытія и природы. Человѣкъ „во истинѣ не устоялъ,“ и „нѣтъ въ немъ истины“—вотъ сущность грѣхопаденія. Григорій Нисскій рѣшалъ свои богословскіе вопросы на почвѣ чисто психологической. А изученіе жизни души человѣческой

1) Большое огл. слово гл. VI, 19.

2) Ibid. гл. II, 27 стр. 1. IV.

3) Ibid. гл. VIII, 34 ст. 4) Письмо къ Евстафіи и Амвросіи, т. VIII, ст. 467.

ясно давало ему понять тотъ разладъ и раздвоеніе, которые существуютъ въ человѣкѣ между его сознаниемъ, стремленіемъ къ безконечной истинѣ и добру и между наличной дѣйствительностью и жизнью человѣка по физическимъ лишь опредѣленіямъ своей природы. То, что въ сознаниіи человѣка утверждается, какъ истинное, мыслится только, какъ *долженствующее* быть, а то, что дѣйствительно дано человѣку, какъ его *наличная жизнь*, то мыслится, какъ не должное быть. Единственнымъ объясненіемъ этого можетъ быть только то, что человѣкъ не устоялъ въ истинѣ своего бытія и отвергъ тотъ внутренній законъ своей жизни, который опредѣлялъ его богоподобную истинную жизнь, и этотъ законъ сталъ для человѣка *мертвымъ*, такъ какъ это отверженіе и состояло именно въ избраніи человѣкомъ самой формы жизни и бытія по чисто физическимъ опредѣленіямъ текучей матеріи. Но этотъ законъ не умеръ совсѣмъ въ человѣкѣ, онъ отстался въ немъ въ его сознаниіи, какъ *совѣсть*, какъ указатель на то, что жизнь человѣка не течетъ по истинѣ его природы. Слѣдовательно, въ актѣ грѣхопаденія человѣкъ абсолютнымъ (свободнымъ) движеніемъ своей воли уничтожилъ съ себѣ законъ жизни истинной и подчинилъ себя закону физической необходимости, жизни организма, и это *подчиненіе* необходимо вызвало въ человѣкѣ признаніе рокового закона борьбы за существованіе, а это признаніе въ конецъ разрушало желаніе человѣка жить по истинѣ своей подлинной природы, потому что эта истина оказывалась *идеаломъ*, который долженъ быть осуществленъ, а наличная жизнь грозила человѣку уничтоженіемъ, смертью. И человѣку оставалось только то, чтобы поддерживать эту жизнь. Но разъ человѣкъ не выполняетъ своего подлиннаго назначенія въ мірѣ, не живетъ по истинѣ своей природы, значитъ, его земная жизнь не имѣетъ для него никакого смысла, она не его жизнь, а чужая, чуждая ему жизнь, жизнь „скотоподобная“.

Такимъ образомъ, изъ раскрытія понятія о злѣ и грѣхѣ мы должны извлечь для себя очень важное положеніе по отношенію къ разрѣшенію проблемы „о необходимости для человека смерти“.

СВЯТООТЕЧЕСКОЕ ВОЗВРЪНІЕ НА СМЕРТЬ.

(Опытъ систематизаціи религіозно-философскаго ученія Св. Григорія Нисскаго о смерти).

VII.

„Необходимость смерти, ея разумность и цѣль“.

„Умершій освободился отъ грѣха“.
(Рим. VI, 7).

Мы пришли къ тому, что признали смерть для человѣка необходимой. Почему? Въ чемъ ея смыслъ и цѣль? У Григорія Нисскаго на эти вопросы мы находимъ обширныя и обстоятельныя разсужденія. Онъ смотритъ на смерть, какъ на возмездіе за грѣхъ и очищеніе человѣка отъ зла и грѣха, что даетъ ему возможность видѣть въ ней въ то же время и великое Божіе благодѣяніе человѣку и высоту Божіей премудрости въ разумности смерти.

Человѣкъ имѣлъ цѣлію своего бытія отображеніе Бога, но онъ добровольно отклонился отъ осуществленія этой цѣли и избралъ жизнь животнаго организма, и если бы человѣкъ сталъ вѣчно жить этой жизнью, тогда было бы безсмысліемъ создавать его образомъ Божіимъ; но человѣкъ умираетъ, поэтому фактъ смерти его уничтожаетъ это *безсмысліе человеческой жизни*. Но этимъ фактомъ не разрѣшается безсмысліе вообще бытія человѣка, потому что, если бы въ смерти человѣкъ уничтожался совершенно, тогда было бы бессмысленно ему имѣть

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 11 за 1908 г.

богоподобную природу, назначенную для отображенія вѣчности Божіей. Если же признать непреложнымъ то, что и жизнь, и бытіе человѣка не имѣютъ ровно никакого разумнаго смысла, тогда самый разумъ человѣка явился бы въ бытіи страннымъ противорѣчіемъ, такъ какъ его требованія самимъ же имъ признавались бы неразумными, т. е. прямо противорѣчащими его природѣ. Но кто пойметъ, что смерть—разумна, тотъ увидитъ въ ней благодѣяніе Божіе, что она необходима для того, чтобы исполнилась воля Божія въ первоначальномъ актѣ творенія въ цѣляхъ богоуподобленія человѣка. Смерть не злобая кара и уничтоженіе человѣка, а опредѣленіе любвеобильной Божіей благодати, преизбытокъ Божія благодѣянія къ падшему человѣку. (Ἐπερβολὴ τῆς θείας εὐεργεσίας. χάρις τῆς περὶ ἀνθρώπου κηδεμονίας) ¹⁾.

Смерть—не зло, не величайшее несчастіе человѣка, не бессмыслица, а необходимый и разумный переходъ отъ состоянія худшаго къ лучшему, дающій возможность стать человѣку подъ то великое условіе человѣческаго бытія, осуществленное въ человѣческой исторіи Самимъ Богомъ, когда человѣкъ можетъ начать свою жизнь по истинѣ своей подлинной природы: какъ это видно въ воскресеніи Богочеловѣка.

Вѣдь, человѣкъ въ своей наличной жизни не только не уподобляется Богу, но и прямо осуществляетъ въ себѣ подобіе физическому міру, такъ что всѣмъ содержаніемъ своей наличной жизни онъ фактически отрицаетъ значеніе себя самого, какъ даннаго въ условіяхъ физическаго міра дѣйствительнаго образа Божія. Поэтому человѣкъ изъ всей практики своей наличной жизни естественно долженъ выносить то необходимое убѣжденіе, что въ дѣйствительности человѣкъ не достоинъ того существованія, какое дано ему въ природѣ его, и слѣдовательно, *повиновенъ смерти*. Поэтому смерть является для человѣка разумно-необходимой. Оправданіе всего этого мы находимъ въ слѣдующихъ мѣстахъ изъ сочиненій Григорія Нисскаго. Въ своемъ „Большомъ огласительномъ словѣ“ Святый Григорій, сказавъ, что хотя „тяжело“ для человѣка

¹⁾ Больш. оглас. Слово. гл. VIII, стр. 28. IV часть.

примириться съ фактомъ смерти, добавляетъ: „въ горестномъ этомъ событіи да усматриваетъ (человѣкъ) преизбытокъ Божія благодѣянія: ибо это скорѣе, можетъ быть, приведетъ его въ удивленіе милостивой попечительности Божіей о человѣкѣ.

...Человѣкъ... разлагается въ землю, чтобы, по *отдѣленіи* воспринятой имъ *нынѣ* скверны, *воскресеніемъ* могъ быть созданъ въ первоначальный видъ... Я думаю, что Врачующій нашу порочность, чтобы *не навсегда* въ насъ оставалась она, *промыслительно* наложилъ на людей возможность умирать ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ, въ трактатѣ „о душѣ и воскресеніи“ Григорій Нисскій слѣдующими словами обосновываетъ *необходимость* смерти для человѣка, какъ очищенія человѣка, отъ скверны, гибздящейся въ грѣховномъ тѣлѣ человѣка: „*невозможно* совершить намъ теченія своего туда *иначе* (туда, т. е. въ будущую жизнь), какъ отряси съ души своей гнетущее насъ, разумью эту тяжелую и земную ношу“ ²⁾. Въ другихъ мѣстахъ Григорій Нисскій для выясненія необходимости смерти беретъ аналогіи то глинянаго сосуда, наполненнаго свинцомъ, такъ какъ, чтобы отдѣлить этотъ сосудъ отъ твердой его внутренности, необходимо разбить сосудъ; ³⁾. то уподобляетъ аналогіи веревки, покрытой грязью и для очищенія протаскиваемой сквозь узкое отверстіе ⁴⁾. то—глыбѣ руды, изъ которой добывается желѣзо путемъ очищенія его отъ постороннихъ элементовъ ⁵⁾.

Такъ необходима смерть для очищенія, для освобожденія человѣка отъ грѣха. „Смерть для людей ничто иное, какъ средство очищенія порочности“ ⁶⁾ Она прямо разумна потому, что *уничтожаетъ зло въ бытіи*. „Наше естество Богомъ первоначально было создано къ воспріятію совершенства какъ бы нѣкимъ *сосудомъ*, когда же чрезъ обольщеніе влилось въ насъ

¹⁾ Огласит. слов. глав. VІІІ, стр. 28—29, т. IV.

²⁾ „О душѣ и воскресеніи“ ст. 281, т. IV.

³⁾ Огласит. слово, гл. VІІІ, ст. 30.

⁴⁾ О душѣ и воскр. 274.

⁵⁾ Слово къ скорбящ. объ умершихъ. ст. 525, т. VІІ.

⁶⁾ Надгробное слово Пульхеріи, ст. 405, т. VІІІ.

зло, то добру не стало мѣста. По сей причинѣ, чтобы зло не увѣковѣчивалось въ насъ, по опредѣленію Мудраго Провидѣнія, сосудъ на время разрушается смертью, чтобы, по изверженіи зла, преобразовалось человѣческое естество и, чистое отъ зла, возстановилось къ первоначальной жизни ¹⁾. Смерть является переходомъ къ будущей истинной жизни человѣка. „Конецъ жизни во плоти для представившихся служить *началомъ* болѣе божественной жизни. Почившій оставляетъ тѣни, воспринимаетъ *истину*, покидаетъ оболщенія, заблужденія и смятенія и находитъ блага, которыя превышаютъ все, что доступно взору, слуху и помышленію“ ²⁾ Смерть поэтому—*благо* для человѣка, и человѣкъ не долженъ ея бояться, если онъ только будетъ стремиться къ будущей жизни—быть добродѣтельнымъ въ жизни земной. „Смерть—есть *благо*, будучи для насъ *началомъ* и *путемъ* измѣненія къ лучшему“ ³⁾. Смерть даже и въ самой жизни человѣка является для него сущимъ благодѣяніемъ, когда избавляетъ его отъ страданій жизни, ея бессмыслицы и мученій, которыя особенно становятся чувствительными для человѣка въ старости, его физическаго разрушенія и дряхлости ⁴⁾. Смерть это „*счастіе* для человѣка, а не поводъ къ слезамъ“ ⁵⁾. Жизнь человѣка на землѣ очень бессмысленна. Что она такое? „Печали и удовольствія, раздраженія и опасенія, надежды и желанія, это и подобное сему—вотъ изъ чего слагается настоящая жизнь“ ⁶⁾. по словамъ Григорія Нисскаго. „Истинная же жизнь составляетъ предметъ упованія“ ⁷⁾, поэтому *цель* смерти состоитъ въ томъ, чтобы дать человѣку возможность, освободившись отъ чуждой ему жизни, начать ту жизнь которая бы вполне соотвѣтствовала его подлинной природѣ.

Но какимъ образомъ возможна эта новая жизнь послѣ смерти человѣка, если смерть является прямымъ *уничтоженіемъ* человѣка, такъ какъ послѣ смерти человѣка остается безсмерт-

¹⁾ Ibidem, 44.

²⁾ Ibidem, стр. 401, т. VII.

³⁾ Надгробное слово Пульхеріи, стр. 405, т. VIII.

⁴⁾ Надгробное слово Пульхеріи 397 стр.

⁵⁾ Ibid., 398 ст.

⁶⁾ Ibid., 398 ст.

⁷⁾ Ibid., 404.

ный *духъ умершаго чловѣка*, а не *цѣлый чловѣкъ*, а жизнь для чловѣка возможна только тогда, когда онъ будетъ дѣйствительно *полнымъ чловѣкомъ*, состоящимъ изъ души и тѣла? Очевидно для мышленія разумности и необходимости смерти въ ея цѣли необходимо ввести въ рядъ логическихъ посылокъ такое утвержденіе, которое дѣлало бы смерть на самомъ дѣлѣ безусловно разумной и разумно-необходимой. Такое утвержденіе даетъ одно только христіанство,—утвержденіе факта воскресенія Христа и необходимости воскресенія всѣхъ людей по Божію дѣйствію.

VIII.

„Необходимость воскресенія, его фактичность и мировое значеніе въ христіанствѣ“.

„Если мы соединены со Христомъ подобіемъ смерти Его, то должны быть соединены и подобіемъ воскресенія“. (Рим. VI, 5).

Мы установили тѣ положенія, что смерть, по ученію св. Григорія Нисскаго, является и необходимой, и разумной. Къ этимъ положеніямъ мы пришли слѣдующимъ логическимъ путемъ. Чловѣку кажется, будто его смерть является вопіющей *нелѣпностью*, такъ какъ, при отсутствіи положительной *цѣли* жизни, *жизнь сама по себѣ* является цѣлью для чловѣка, а потому послѣдняя секунда жизни, понятно, выражаетъ собой не *достиженіе цѣли*, а именно только *безмысленное отрицаніе* той цѣли, ради которой существуетъ чловѣкъ. Но лишь только чловѣкъ догадается взглянуть *на жизнь*, какъ *на средство* къ достиженію особой цѣли своего существованія, эта сравнительная оцѣнка жизни и смерти немедленно же измѣняется у него въ обратную сторону. Для него до очевидности становится яснымъ, что безмысленной является вовсе *не смерть чловѣка*, а *наличная жизнь* его, потому что единственная цѣль, которая указывается ему въ его подлинной природѣ, заключается въ *отображеніи* Бога, и эта единственная цѣль бытія чловѣка никогда и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть достигнута чловѣкомъ на землѣ въ наличной жизни его.

Онъ существуетъ, какъ истинный образъ Бога, а живетъ, какъ вещь *физическаго міра* и своею жизнью только отрицаетъ Бога, котораго изображаетъ своею природой. Если же человекъ *не только напрасно* живетъ, но и *прямо отрицаетъ* свою жизнь ту единственную *цѣль*, ради осуществленія которой онъ *дѣйствительно* долженъ существовать, какъ образъ Божій, то смерть его, очевидно, является *отрицаніемъ того отрицанія* цѣли, которое представляется его жизнью, и слѣдовательно,—*благодаря фактическому безмыслию жизни, смерть человека является несомнѣнно разумной и необходимой.*

Но если смерть разумна и необходима по чисто философскимъ соображеніямъ, потому что она является разумнымъ прекращеніемъ безмысленнаго существованія человека на землѣ, то невольно возникаетъ вопросъ: если жизнь человека безмыслена, а смерть—разумна, то что за смыслъ для человека въ ея разумности, если она является *прекращеніемъ жизни* человека? Человеку ничуть не будетъ легче отъ того, что смерть его разумна и необходима. Ужели смерть необходима лишь для того, чтобы уничтожить безмыслицу въ бытіи? Но тогда этимъ уничтоженіемъ вводилась бы новая *безмыслица* самаго существованія человека. Ужели человекъ для того и появился въ міръ, чтобы пожить безмысленной жизнью, а потомъ разумно прекратилъ бы свое бытіе? Очевидно, смерть является разумной только подъ единственнымъ условіемъ, если за гробомъ начинается истинная жизнь человека по истинѣ его человечности. Но вотъ является новое затрудненіе: если смерть является переходомъ къ жизни истинной, тогда безмысленно было бы давать ему жизнь земную, потому въ чемъ заключается *смыслъ безмысленной жизни* человека въ бытіи его? По ученію Св. Григорія Нисскаго, жизнь настоящая необходима для того, чтобы *явился* человекъ въ міръ, она есть *необходимое условіе* для будущей жизни, она—сѣмя ея ¹⁾. „Жизнь въ тѣлѣ—не безцѣльна, ибо жизнь настоящая бываетъ *путемъ* къ чаемому нами“ ²⁾. Со стороны моральной жизнь челове-

1) Надгробное слово Пульхеріи стр. 404, ч. VIII.

2) Слово къ скорбящ. объ умершихъ стр 510, ч. VII.

ская должна состоять въ *подготовленіи* человѣка къ будущей жизни, въ образованіи въ себѣ „новаго человѣка“ и въ „сочлененіи ветхаго“, т. е. въ созданіи въ себѣ постоянного психическаго настроенія, которое бы сдѣлало прямымъ и безпрепятственнымъ переходъ человѣка въ жизнь будущую. Кромѣ того, земная жизнь предоставлена человѣку Богомъ потому, что Онъ не захотѣлъ отнять у человѣка основного свойства его богоподобной природы—*свободы*, такъ какъ человѣкъ самъ избралъ въ лицѣ своего перваго родоначальника тотъ образъ, ту форму бытія, въ какой онъ существуетъ теперь, и поэтому эта форма физическаго существованія стала необходимой для всѣхъ людей, какъ потомковъ перваго человѣка.—Григорій Нисскій выясняетъ это слѣдующимъ образомъ: „человѣкъ былъ *богоподобенъ* и блаженъ, потому что былъ удостоенъ *свободной воли*, (такъ какъ самодержавіе и независимость—свойства божескаго блаженства), то насильственно и поневолѣ вести его къ чему-нибудь, значило бы отнять у него это достоинство. Если бы человѣческое естество добровольно, по движенію свободной воли устремившееся къ чему-либо неприличному, насильственно и принудительно отдалить отъ того, что ему понравилось, то это было бы отъятіемъ блага, которое оно имѣло прежде, и лишеніемъ богоподобной чести, ибо *свобода воли* есть подобіе Богу. Итакъ, чтобы и свобода осталась у нашего естества и зло было уничтожено, мудрость Божія промыслила такое средство: попустить человѣку остаться съ тѣмъ, чего пожелалъ, чтобы вкусивъ зла, котораго возжелѣлъ, и *узнавъ опытомъ*, что на что промѣнялъ, снова *добровольно сильнымъ желаніемъ* востекъ къ прежнему блаженству“ ¹⁾.

Если же человѣкъ—не духъ, а одухотворенный организмъ, и слѣдовательно, какъ бы то ни было, онъ не можетъ жить безъ тѣла ²⁾, то выходить, что онъ, чтобы начать „истинную“ жизнь, долженъ умереть, но такъ чтобы остаться въ то же время цѣлымъ человѣкомъ. Какъ возможно это невозможное дѣло? Оно—возможно подъ единственнымъ условіемъ воскре-

1) Слово къ скорбящимъ. 516 ст., ч. VII.

2) Слово о воскресеніи, ч. 8, ст. 83. „Большое огл. слово“, гл. XVI, 46 ст.

сенія челоѣка изъ мертвыхъ: челоѣкъ долженъ умереть, чтобы избавиться отъ напрасной безсмысленной жизни, и— воскреснуть съ тѣломъ, чтобы, ставъ полнымъ челоѣкомъ, но свободнымъ ¹⁾ отъ того, что на землѣ дѣлало невозможной жизнь его по подлинной своей природѣ. начать эту истинную свою жизнь въ новыхъ условіяхъ воскресенія ²⁾.

Потому то и безрезультатно такъ билась челоѣческая мысль надъ вопросомъ о смерти, что она не знала исхода изъ нея, и потому, когда явилось христіанство въ мірѣ, проповѣдуя Воскресшаго Христа. то многіе люди ничего не увидѣли въ этой проповѣди, кромѣ прельщенія или соблазна ума, и даже безумія, кромѣ ученія о невозможномъ дѣлѣ. Между тѣмъ въ этомъ ученіи и заключалась вся бездна Божіей премудрости въ промышленіи о челоѣкѣ. (1 кор. I, 22—24). Въ фактѣ Христова воскресенія люди получили дѣйствительное оправданіе своей жизни, такъ какъ это воскресеніе было началомъ воскресенія всѣхъ людей; слѣдовательно, каждому челоѣку этимъ фактомъ доставлена возможность пересоздать себя по идеалу богоподобія въ будущей жизни. И этотъ фактъ въ исторіи челоѣчества уже совершенъ, и онъ имѣетъ вѣчное и непреложное значеніе, потому что въ фактѣ воскресенія Христа Самъ Богъ ввелъ въ бытіе міра совершенно новое условіе вѣчнаго, но уже преображеннаго существованія челоѣка въ мірѣ, такъ какъ матерія чрезъ тѣло Іисуса Христа соединилась съ Вѣчнымъ Богомъ, и съ этимъ тѣломъ челоѣка Богъ на вѣки вѣчные останется и въ угодное Ему время преобразитъ весь міръ по подобію своего тѣла; такъ какъ разъ бытіе измѣнено въ одной своей части. то оно должно измѣниться и во всей своей совокупности. Этимъ новымъ условіемъ бытія міра и челоѣка будетъ доставлена возможность челоѣку достигать цѣли своего назначенія въ мірѣ, т. е. будетъ доставлена свобода челоѣческой личности для того, чтобы челоѣкъ могъ раскрывать въ себѣ подлинную свою природу путемъ безконечнаго уподобленія Богу.

¹⁾ Слово къ скорбящ. объ умерш. стр. 523, ч 7.

²⁾ Ibid. стр. 493—494. „О душѣ и воскресеніи“, стр. 322.

Св. Григорій Нисскій, между прочимъ, слѣдующими словами характеризуетъ сущность воскресенія: „естество человѣческое, оставивъ въ смерти *всѣ отличительныя свойства*, какія приобрѣло страстнымъ расположеніемъ, разумію тлѣніе, немощь, ... не утратитъ *самого себя*, и жизнь перейдетъ въ нѣкое *духовное* и безстрастное состояніе“ ¹⁾). Необходимость для человѣка воскресенія Григорій Нисскій обосновываетъ такъ: „какъ *начало смерти*, происшедшее въ одномъ, перешло на весь человѣчскій родъ; такимъ—же образомъ и *начало воскресенія* чрезъ единого распространяется на *все* человѣчество“ ²⁾). „Хотя смертью *разлучается душа съ тѣломъ*, Богъ же воскресеніемъ снова сводитъ ихъ между собою, потому что въ Себѣ составилъ раздѣленное смертью естество и Самъ содѣдался началомъ соединенія раздѣленнаго“ ³⁾). Характеристику будущей жизни, совершенно чуждой условій земного существованія, мы находимъ у Григорія Нисскаго, между прочимъ, въ его „словѣ къ скорбящимъ о преставившихся отъ настоящей жизни въ вѣчную“: „Душа переходитъ отъ плотной жизни къ благу, перемѣняя настоящее состояніе жизни на нѣкое иное. Точно уразумѣть это состояніе, каково оно, для соединенныхъ съ плотію, невозможно, но *чрезъ отгятіе признаковъ сей жизни* возможно при помощи аналогій составить нѣкоторую догадку о немъ. Оно уже не будетъ соединено съ тѣлесною грубостью, жизнь не будетъ зависѣть отъ равновѣсія противоположныхъ стихій, равномерное взаимное бореніе которыхъ производитъ нашъ составъ и здоровье... Жизнь будетъ свободна отъ всего того, что мы представляемъ въ видѣ смѣны противоположностей. Душа будетъ тамъ, гдѣ жизнь *свободна* отъ всѣхъ необходимыхъ трудовъ... Ибо необходимость всего этого уничтожается при отсутствіи нужды и при невещественности той жизни, въ которой, главнымъ образомъ, началомъ существованія души служить... *разумнѣніе божескаго естества*“ ⁴⁾).

1) О младенцахъ, прежде вр. похит. смертію, стр. 322, ч. IV.

2) „Больш. огл. слово“. гл. XVI, 49 ст., ч. IV.

3) Ibid., ст. 50.

4) Стр. 493—494, т. VII.

Такимъ образомъ, только великій и непреложный фактъ Христова воскресенія служить полнымъ разрѣшеніемъ всей загадки человѣческой смерти. въ бытіи разрѣшеніемъ—разрушеніемъ смерти, какъ уничтоженія человѣка, а въ области мысли человѣческой—разрѣшеніемъ проблемы смерти на разумныхъ философскихъ основаніяхъ!

И мы можемъ только возгласить вмѣстѣ со святымъ Григоріемъ Нисскимъ едиными устами въ невольнo рвущемся изъ души гимнъ Богу Спасителю, безднѣ Его благодати и премудрости, явленной въ фактъ воскресенія Христа: „Ты, Господи, *разрушилъ* для насъ *страхъ смерти*; Ты *конечи* здѣшней жизни содѣлалъ для насъ *началомъ истинной жизни*; Ты на время *успокоиваешь* тѣла наши сномъ смерти и опять возбуждаешь ихъ при послѣдней трубѣ. Ты *бранный* составъ нашъ, созданный Твоими руками, какъ залогъ, *вотряешь землю*, и опять взыщешь, что даль, преобразивъ наше смертное и безобразное—въ *безсмертіе* и *благодніе*. Ты избавилъ насъ отъ грѣха... Боже вѣчный!.. восприми мой духъ чистымъ и непорочнымъ, какъ кадило предъ Тобою, въ Твои руки ¹⁾!!

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Исслѣдованіе наше закончено. Остается сказать нѣсколько словъ, необходимыхъ для той характеристики этого труда, которая сложились въ умѣ самого автора по отношенію къ выполненію своей задачи.

Во-первыхъ, рѣшена-ли св. Григоріемъ Нисскимъ вѣковѣчная проблема смерти, разрѣшена-ли тайна смерти, разгадана-ли жгучая загадка человѣческой мысли и жизни, загадка, надъ рѣшеніемъ которой билось безрезультатно столько великихъ человѣческихъ умовъ?

Не только съ христіанской, но и съ философской точки зрѣнія приходится отвѣчать на этотъ вопросъ утвердительно, потому что вся суть дѣла въ томъ, что самое рѣшеніе вопроса дается въ дѣлѣ Христа и ученіи христіанскомъ по поводу этого великаго въ мірѣ дѣла, и если смотрѣть на это ученіе

¹⁾ О жизни преп. Макрины. 357—358.

съ критической точки зрѣнія, то оно безусловно выдерживаетъ какую угодно критику, какъ съ фактической стороны, такъ и со стороны логической, какъ съ христіанской, такъ и строго философской. Читатель благоволитъ припомнить, что св. Григорій Нисскій ищетъ рѣшеніе своей проблемы прежде всего въ нравственныхъ требованіяхъ человѣческой души, въ ея Богоподобіи, въ нравственной свободѣ, въ стремленіи къ вѣчному Богоуподобленію; и смотритъ на смерть, какъ на всеобщее наказаніе за уклоненіе отъ этихъ стремленій, за жизнь несогласную съ *истиннымъ* назначеніемъ своей Богоподобной природы, за жизнь не по *истинѣ* своего бытія. Затѣмъ въ христіанскомъ ученіи о воскресеніи Иисуса Христа св. Григорій указываетъ *начало* новой *истинной* христіанской жизни, Богоподобной, долженствующей продолжаться въ безконечность, при новыхъ условіяхъ существованія. Таковы въ сущности философскія и христіанскія его положенія при рѣшеніи проблемы о смерти.

Не сомнѣваемся, что этими своими положеніями св. Отецъ въ сильной степени сближается съ глубокомысленнымъ философскимъ ученіемъ Канта, который въ нравственныхъ требованіяхъ души искалъ рѣшенія проблемъ теоретическаго разума.—Извѣстно, что Кантъ смотрѣлъ на нравственную свободу (по ученію св. Григорія—на Богоуподобленіе), какъ на единственную изъ идей спукулятивнаго разума, непреложность которой мы знаемъ непосредственно, независимо отъ апріорныхъ ображеній, и осуществленіе которой въ жизни человѣка невозможно безъ признанія свободной воли, безъ свободного Богоуподобленія. Теоретическій разумъ, по Канту, есть способность—воспринимать въ себя предметы ограниченнаго, внѣшняго міра, а практической—износить изъ себя безусловныя требованія нашей свободной дѣятельности во внѣшній міръ. Эти же безусловныя нравственныя требованія св. Отецъ примѣняетъ и къ рѣшенію проблемы о смерти, ея происхожденіи, сущности и цѣли.

Нельзя, конечно, смотрѣть на изложенное нами ученіе Григорія Нисскаго, какъ на *фотографированіе* его ученія,—напротивъ, вездѣ допущенъ нами *субъективизмъ*, вытекающій изъ желанія *систематизировать* воззрѣнія св. Отца и перевести

ихъ на логику современныхъ намъ понятій и терминовъ. Мы смотримъ на свой трудъ, какъ на попытку хотя сколько-нибудь философски рѣшить интересующую всѣхъ вѣковѣчную проблему, хотя фономъ рѣшенія является ученіе Св. Григорія Нисскаго. Но нельзя сказать того, чтобы мы лишь свои собственныя сужденія механически привязывали къ ученію св. Отца, наоборотъ, вся наша систематизація, почти каждое слово наше, какъ видѣли читатели, вытекало органически изъ детальнаго изученія доктрины Григорія Нисскаго. И если мы хотя нѣсколько, сколько могли, систематизировали возрѣнія его на смерть, наша задача выполнена.

Василій Таланкинъ.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте:

info@axion.org.ru